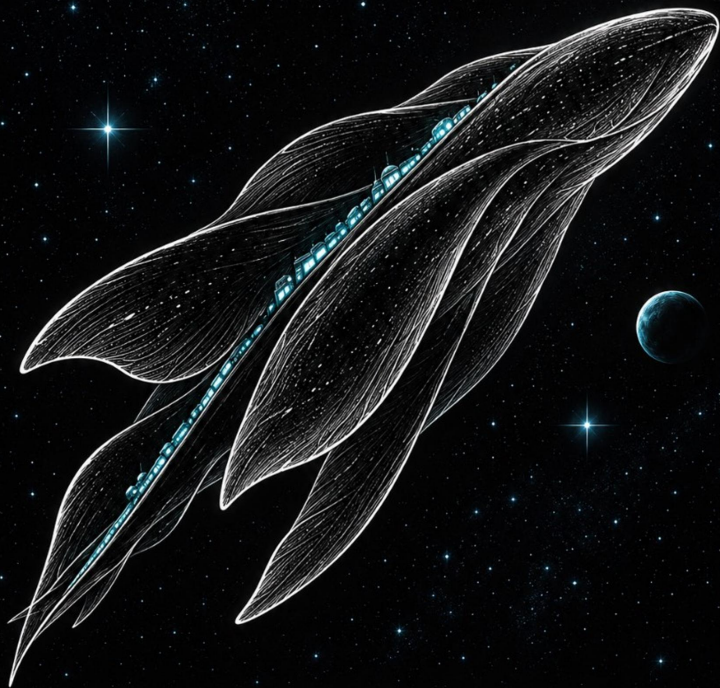

ПАСТУХИ ПУСТОТЫ

— ● —
А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Пастухи пустоты

<https://litres.ru/74670723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Несколько поколений люди строят дома на спинах живых межзвёздных кораблей. Они умеют лечить своих великанов, кормить их и задавать им путь. Но однажды корабли начинают уходить с привычных маршрутов.

Врач Тимофей Мережин собирается в последний рейс перед долгим отпуском. На старой «Нарте» он обнаруживает ткань, назначения которой не знает ни один справочник. Капитану Ладе Ковриной сейчас важнее другое: на борту люди, которым обещали дорогу домой.

Чужая авария, опасный способ вернуть управление и встреча с мигрирующим стадом ведут их всё дальше от знакомых причалов. Тимофей хочет понять, что происходит с живыми кораблями. Лада должна решить, сколько ещё времени пассажиры могут заплатить за его ответ. И чем ближе они становятся друг другу, тем труднее им договориться о следующем шаге.

Содержание

Глава 1. Соль на коже	4
Глава 2. Лишние места	19
Глава 3. Восемь минут тишины	32
Глава 4. Дом на спине	44
Глава 5. Неподходящая болезнь	58
Глава 6. Тёплая каюта	71
Глава 7. Приказ домой	83
Глава 8. Посадочная стрела	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

А.М. Сунгурский

Пастухи пустоты

Глава 1. Соль на коже

На коже корабля выступила соль.

Тимофей заметил её, когда уже собирался возвращаться. Под башмаком наружной фермы белела узкая полоса, похожая на иней. В тени она была почти незаметна; стоило рабочему фонарю пройти по ней, как между складками заблестели крупинки.

— Филипп, придержи сумку.

Молодой человек висел по другую сторону опоры, зацепившись обеими подошвами за решётку. При попытке вытянуть руку его развернуло, и сумка стукнулась о бок шлема. Тимофей подождал, пока помощник вернёт себя в прежнее положение.

— Держу.

— Не ручку. За нижнюю петлю возьми. Так она не будет вокруг тебя ходить.

За спиной Филиппа открывалась огромная медно-серая равнина. Она уходила под наружные фермы, под тёмные днища грузовых модулей, а дальше изгибалась к левому краю тела. Там, в нескольких сотнях метров, раскрывался

первый плавник «Нарты». У его корня горела длинная зеленоватая черта. На этом расстоянии можно было принять её за ряд огней, если не знать, что электрических светильников там нет.

Станция стояла над ними — в наружной работе всё, что заслоняло звёзды, оказывалось наверху. Светлое колесо медленно поворачивалось вокруг осевого причала. В одном месте его обод был закрыт лесами. Сквозь них просвечивали жилые окна.

Тимофей передвинул страховочный карабин на соседнее кольцо, проверил замок и опустился к коже. Сцепления на подошвах держали его на решётке, третья точка крепления оставалась на поясе. Правая рука была свободна. Он поднёс к белой полосе наконечник пробоотборника.

От прикосновения по телу «Нарты» прошла слабая дрожь. Под пальцами, через инструмент и перчатку, Тимофей почувствовал два толчка. Потом крупинки поднялись целым пластом.

— Снимается плёнкой, — сказал он.

Филипп придвинулся, потянув сумку за собой.

— Отложение из питательной смеси?

— Может быть.

— После последней заправки меняли поставщика.

Тимофей не ответил. Он вёл наконечник вдоль края, стараясь не захватить живой покров. Белое оказалось тоньше, чем выглядело. На прозрачном кружке приёмника лежал

неровный лоскуток, а под ним кожа была гладкой и тёмной. Через несколько секунд на ней показалась новая крупинка.

— Вот это снимай, — сказал Тимофей.

Филипп направил камеру слишком близко. На изображении остались только зернистая поверхность и белая вспышка от фонаря.

— Отведи руку. Ещё. Теперь видно.

По связи пришёл голос Никона:

— Доктор, у вас там ещё долго?

— Нашли неприятность.

— Мы тоже. Через двадцать минут причал начнёт разворот. Или заканчивайте, или опять будем просить задержать.

— Десять.

— Записал. Твои десять или человеческие?

— Сегодня человеческие.

Тимофей убрал пробу в наружное отделение сумки. Дальше следовало просто вернуться, но новая крупинка не давала ему подняться. Она росла в самой середине очищенного пятна, медленно раскрываясь. Белые зубчики расходились в стороны, как крошечные ветви. Вокруг них кожа оставалась неподвижной.

Над другим плечом Филиппа висел край переднего грузового модуля. Чёрная полоса вдоль его борта показывала, где заканчивалось укрытие. Ещё утром мальчишка спросил, зачем красить целую стену ради границы, которую видно на визоре. Тимофей предложил ему выключить изображение.

Филипп выключил, посмотрел на сплошную темноту и больше не спрашивал.

Теперь он сам заметил приближающуюся черту.

— Мы уже на освещённой стороне будем.

Тимофей поднял голову. Станционное колесо сдвинулось. На его месте появилась звезда, до этого закрытая ободом; свет лёг на ферму и высветил царапины на шлеме помощника.

— Уходим.

Он закрепил пробоотборник на груди, взял сумку и дал Филиппу пройти первым. Помощник двигался быстро, пока видел перед собой очередное кольцо. Там, где требовалось оглядеться, всякий раз замирал.

В ста метрах от них медленно раскрылась вторая левая лопасть. Сначала Тимофей заметил только изменение фона: знакомые звёзды стали пропадать. Потом из темноты вышел огромный край, складка расправилась, и вдоль неё прошёл тусклый синий свет.

Филипп остановился.

— Она сейчас пойдёт?

— Нет.

— А почему...

— Она уже так делала. Не смотри на край. На мою руку смотри.

Тимофей протянул ему ладонь. Филипп схватился за неё и сразу потянулся всем телом, словно висел над земной про-

пастью. Карабин на его поясе принял нагрузку; помощник болезненно ударился бедром о решётку.

— Ноги отпусти, — сказал Тимофей. — Ты же двумя держишься. По очереди.

В ответ послышалось частое дыхание. Тимофей ждал, удерживая его перчатку. Впервые выйдя наружу, сам он застрял на точно таком же месте, только помощником у него был пожилой сварщик, который минут пять рассказывал, как в молодости красил потолок в квартире у тёщи. История была нелепой, длинной и, вероятно, выдуманной. Тимофей помнил её лучше первого диагноза.

— Видишь эту вмятину? — Он показал на поручень возле Филиппова локтя. — Олег контейнером задел. Собирался заменить до отхода. Если умрём здесь от старости, виноват будет он.

Филипп издал короткий, сердитый звук.

— Я не боюсь.

— Тогда не будем его ругать. Левую ногу.

Помощник отцепил подошву. Перенёс её на соседнюю перемычку. Потом освободил правую, и они снова двинулись к шлюзу.

Лопасть продолжала открываться. Между её основанием и телом пролегла широкая тень. Тимофей смотрел туда краем глаза: в этом возрасте «Нарта» редко расправляла складку полностью. Сегодня он видел поверхность, которая обычно была спрятана. Она казалась бледнее спины, почти серебря-

ной, и на ней тоже лежало белое.

У входа Никон встретил их снаружи. Широкая фигура перекрывала половину люка. Он принял сумку, проверил, закреплён ли Филипп на поручне, и только тогда освободил место.

— Пятнадцать, — сообщил он Тимофею.

— Пять ещё осталось.

— Было десять.

— Значит, мы быстро.

Никон покачал шлемом. Когда Тимофей передавал ему наружный инструмент, с перчатки слетело несколько крупинок. Они разошлись возле дверной рамы, поймали свет и исчезли.

* * *

Врачебный блок располагался ближе всего к телу. Здесь не было пола в привычном смысле. Столы, шкафы и кушетка стояли вдоль трёх стен; четвёртую занимало смотровое окно. При включённом наружном свете за ним проступала кожа «Нарты», пересечённая тёмными тяжами крепления.

Тимофей отдал скафандр в сушильную нишу, умылся над вытяжной раковиной и обнаружил, что у него опять разошёлся шов на левом носке. Взял из ящика другой. Пара вышла разных цветов, но до следующего утра это никого не касалось.

Филипп уже сидел у бокса. Наружная проба поступила в

него по закрытому каналу, отдельно от людей и вещей. Помощник вывел изображение на большую стену.

Белая плёнка в увеличении напоминала лес после ледяного дождя. Тонкие стволы ветвились, соединялись друг с другом и держали между собой прозрачные мешочки. Внутри одного медленно перемещалась тёмная точка.

Тимофей подлетел ближе.

— Ты её согрел?

— До температуры поверхности.

— Здесь температура поверхности, — сказал Тимофей, показав на внешний датчик. — А ты поставил температуру под покровом.

Филипп быстро повернулся к управлению.

— Вернуть?

— Подожди.

Тёмная точка дошла до края мешочка. Прозрачная стенка прогнулась, потом выпрямилась. Две соседние веточки разошлись. Всё движение заняло несколько секунд и было таким определённым, что Тимофей невольно протянул руку к изображению.

— Оставь пока так. Только подпиши, что делал.

Филипп набрал время и режим. Тимофей следил за пробой. Прежде он видел похожую сетку на старых ранах: поверхностная ткань выстраивала временное укрытие, пока под ним рос новый покров. Но здесь ни раны, ни следа удара не было. Белое выступало вдоль ровного края подушки, куда

человек не касался ничем острым.

Дверь открылась. В блок вплыла Лада Коврина, оттолкнувшись от поручня одной рукой. В другой она держала два закрытых стакана.

— Никон сказал, что вы нашли новую жизнь. Я решила успеть, пока она не потребовала отдельную каюту.

Она поставила один стакан в гнездо рядом с Тимофеем. Второй оставила себе. На Филиппа посмотрела вопросительно.

— Я кофе не пью, — сказал он.

— Это я помню. Тебе Родион оставил что-то красное.

Филипп посмотрел на Тимофея. Тот отпустил его движением ладони.

— Через десять минут зайди. И про температуру не забудь.

Помощник выбрался в коридор. Лада подтянула себя к свободному сиденью и закрепила ремень поперёк бёдер. Здесь она всегда садилась, хотя могла просто держаться за поручень. Тимофею казалось, что так капитан делала любую беседу длиннее, чем собиралась.

— Покажи, — сказала она.

Он увеличил мешочек с тёмной точкой. Лада смотрела без видимого восхищения.

— Это на ней?

— Под левой передней подушкой. И на внутренней стороне лопасти, если я правильно увидел.

— Повреждение?

— Пока не знаю. По старой картине — защитная ткань. Только защищать там нечего.

— Для выхода годится?

Он взял стакан, сделал глоток. Кофе оказался слишком горячим. Лада заметила, но не предложила подождать.

— Остальные показатели прежние. Питание берёт. На местные сигналы отвечает. Вчерашнее раздражение ушло.

— Я спросила про выход.

Тимофей вернул стакан в гнездо.

— Да. Но я хочу отложить успокаивающее до первого участка.

Лада посмотрела на него внимательнее.

Успокаивающее давали «Нарте» перед каждым большим отходом. На тесном причале её окружали чужие сигналы, движение аппаратов, отражения от станционных конструкций. С возрастом она стала отвечать на эту суету резче. Иногда сводила лопасти так быстро, что вздрагивали наружные фермы. Малый объём препарата позволял спокойно провести её к месту перехода, а дальше в знакомой работе нужда в нём исчезала.

— Почему?

— Чтобы увидеть, что делает эта ткань сама.

— Увидишь после рейса.

— Если мы её сейчас подавим, после рейса будет другая картина.

Лада молчала. На стене веточка оторвалась от общего лоскутка и медленно повернулась. В центре пробы образовался тёмный промежуток.

— У нас восемьдесят шесть пассажиров, — сказала капитан. — Не считая тех, кто работает. Один приехал сюда на операцию, второй возвращается с двумя ящиками для нового дома, у третьей отпуск кончился позавчера. Шестерым нужен шестой узел, остальные заплатили за дорогу до Двенадцатого.

— Я не предлагаю менять дорогу.

— Ты предлагаешь впервые за три года отойти без привычной помощи. Ради наблюдения.

Он хотел сказать, что три года — не срок для существа, живущего столетиями. По Ладиному лицу было видно: она ждёт именно этого ответа и уже раздражается.

Тимофей развернул перед ней изображение внутренней лопасти, снятое Филиппом. Белые полосы были видны плохо, но повторялись вдоль нескольких складок.

— Смотри. Это не одна подушка. Если там идёт восстановление, обычная доза может его задержать. Мне надо понять, что мы успокаиваем.

Она приблизила снимок двумя пальцами.

— Сколько тебе нужно до решения?

— Час.

— Сорок минут. И решение будет не по красивой фотографии.

— По ответу на малый раздражитель.

— Зоя будет рядом.

— Конечно.

Лада отстегнула ремень. Кофе допила одним глотком, смяла пустую ёмкость и убрала её в карман. Тимофей снова взял свой стакан.

— Ты мне его принесла, чтобы я согласился?

— Нет. Родион сказал, ты пропустил обед. На сытый желудок с тобой хотя бы можно спорить.

— Кофе не обед.

— Вот и скажи ему сам.

Она уже была у двери, когда снаружи по окну прошла тень. Оба повернулись.

Кожа корабля под окном медленно выпуклилась. Движение шло из глубины, широкое и ровное. Подушка крепления приподнялась вместе с ней, просела обратно. По белому краю пробежала зеленоватая искра.

Лада вернулась к поручню.

— Так раньше было?

Тимофей смотрел на место, которое уже снова казалось совершенно обычным.

— Не при мне.

* * *

Зоя пришла через семь минут. Она ещё не успела пере-

одеться после работы в кольцо, и одна штанина заправилась в мягкий ботинок. Увидев свой вид в тёмном экране, она сердито потянула ткань вниз.

— Если опять будем заставлять её терпеть причал, я за препарат, — сказала она. — Последний разворот она мне припомнила до самой внешней метки.

— Мы никуда не поворачиваем, — ответил Тимофей. — Только местные ответы, по одному с каждой стороны.

Кормчая посмотрела на белую сетку в боксе.

— Красиво. Можно я буду любоваться с другого конца провода?

Он уступил ей место у управления. Зоя проверила свободный объём возле левой лопасти, связалась с причалом и дождалась, пока наружная машина отойдёт за обозначенную границу. Затем поставила ладонь на широкую сенсорную полосу.

Обучение хо́дока занимало годы. Сигналы, которыми Зоя пользовалась сейчас, учили «Нарту» ещё до рождения Тимофея: небольшой нагрев у основания лопасти, короткая последовательность давления на три чувствительных участка, затем награда питательной струёй. Со временем многое связывалось с общим положением тела и видом знакомого пространства. Иногда животное выбирало путь раньше кормчего. Иногда упрямилось так, будто все годы работы были людской выдумкой.

Зоя дала самый слабый привычный сигнал.

Лопасть дрогнула. Её край начал закрываться. Тимофей следил за датчиками в основании и за новой тканью под окном. Белая полоса не изменилась.

— Ещё раз, — попросил он.

— Она уже ответила.

— Теперь с другой стороны.

Зоя перевела руку на соседнюю полосу. Правая лопасть сложилась чуть медленнее, чем левая. Затем обе приоткрылись, выравнивая тело относительно станционной тени.

На малом экране прыгнула линия давления под передней подушкой.

Тимофей наклонился к ней.

В обычном ответе приходила одна волна: сокращение подвижной ткани, распределение нагрузки, успокоение. Теперь за первой волной следовала вторая, более медленная. Она шла с противоположной стороны. Будто после шагов большого человека по той же лестнице осторожно спускался кто-то маленький.

— Повтори левую.

Зоя отняла руку от управления.

— Ты сказал — по одному с каждой стороны.

Он открыл рот и закрыл. Лада стояла у двери, ничего не говоря.

— Да. Ты права.

Кормчая посмотрела на него с некоторым удивлением, затем повернулась к собственному экрану.

— Местный ответ ровный. От причала уйду. Но если она начнёт сводить лопасти, остановимся. И не надо будет объяснять мне, что для неё это интересно.

Тимофей сохранил участок с двумя волнами. Ему уже хотелось проверить ещё три места и сравнить их с прошлогодней картиной, однако сорок минут закончились. Под окном «Нарта» лежала тихо. Маленькая тёмная точка в пробе перестала двигаться.

— Препарат пока не даём, — сказал он Ладе. — До внешней метки я остаюсь здесь. Зоя может остановить отход.

— Я и без тебя могу остановить отход, — ответила кормчая.

Лада улыбнулась.

— Тогда договорились.

Они ушли вместе. Через несколько минут по кораблю передали окончание посадки. Врачебный блок наполнился привычными звуками готовящегося рейса: короткие вызовы, стук закрываемых ниш, дрожание наружной фермы, по которой Никон проходил последнюю проверку.

Тимофей нашёл в ящике пакет с остывшей едой. Родион всё-таки принёс обед, пока они были снаружи. На крышке лежала бумажка: «Если опять скажешь, что некогда, съем тебя». Повар имел привычку сохранять бумагу от любых упаковок и писать на ней угрозы тем, кого любил кормить.

Тимофей разогрел пакет, сел у окна и открыл сообщение сестры. Она показывала ему комнату во Владивостоке: пу-

стой стол, узкая кровать, занавеска, которую он не выбирал. На подоконнике стояли три горшка.

«Не пугайся, поливать буду я, — говорила сестра. — Ты только доедь. Мама опять спрашивает, сколько можно чинить одно и то же животное. Я ей ответила, что оно большое».

Он пересмотрел этот кусок дважды. По земному счёту сестра отправила его девять дней назад. Ответ попадёт к ней с одним из следующих рейсов; Тимофей обещал записать его вечером.

Снаружи станционное колесо начало уходить в сторону. Между фермами появились звёзды. «Нарта» расправила все шесть лопастей, и свет в глубине складок стал ярче. Корабль перестал походить на тёмный причал, возле которого зачем-то построили человеческие комнаты. Весь этот огромный, медленный организм собирался двигаться.

Тимофей отставил еду и проверил переднюю подушку.

Две волны повторились.

На этот раз он не дал нового раздражителя. Просто смотрел, как вторая, слабая линия догоняет первую.

Глава 2. Лишние места

До внешней метки «Нарта» дошла спокойно. Зоя даже перестала сердиться и передала в лечебный блок, что доктор может отправляться есть что-нибудь твёрдое.

— Твоя гора сегодня добрая, — добавила она.

Тимофей оставил Филиппа следить за пробой. Помощник уже успел восстановить на экране весь ход её нагревания и теперь, боясь новой ошибки, спрашивал разрешения прежде, чем передвинуть изображение. Тимофей дал ему два обычных задания и запретил спрашивать про размер окна. Потом выбрался в осевой коридор.

Жилые модули были соединены с неподвижной спинной фермой длинными переходами. Врачебный блок оставался рядом с телом; дальше начиналась человеческая часть корабля, где «Нарту» редко видели и почти никогда не чувствовали. Из коридора можно было попасть в одну из двух вращающихся жилых секций. Они стояли по разные стороны оси, уравновешивая друг друга, и в каждой имелся свой маленький мир со столовой, каютами и общим залом.

Тимофей закрепился в переходной кабине. Она закрылась, подождала совпадения скоростей и мягко потянула его в сторону. Сначала ремень просто прижался к бёдрам. Потом появилась тяжесть в ступнях. Когда открылась следующая дверь, он уже мог идти.

В коридоре пахло мылом и жареным луком.

Возле первой каюты женщина в зелёном платке пыталась уговорить мужа выйти. Муж стоял в дверях, опираясь на трость, и с неподдельным отвращением смотрел на уходящий вверх пол.

— Я сказал: позже.

— Позже все сядут.

— Тогда тем более позже. Не придётся выбирать место.

Тимофей замедлил шаг. Женщина заметила его врачебную нашивку и сразу повернулась.

— Скажите ему, что надо ходить.

— Я по другой части, — ответил Тимофей.

Мужчина посмотрел на него с благодарностью.

— Вот. Человек честно говорит.

— Я лечу корабль.

— Тем более пусть корабль и ходит. А я постою.

Женщина поправила платок. У неё было круглое лицо с очень светлыми бровями; сердиться всерьёз ей мешала улыбка, которую она всё время прятала.

— Нина Арефьева, — представилась она. — Это Семён. Никакой он не вредный, он просто последние двое суток...

— Нина, я сам умею о себе рассказать.

— Так расскажи. Человек уже стоит.

Тимофей показал на трость.

— Ульяна вас смотрела после посадки?

— Смотрела, — ответил Семён. — Всё, что нужно, сказа-

ла. Это моя жена хочет получить второе заключение, более строгое.

— Тогда я не гожусь. У меня пациенты в основном лежат.

Арефьев усмехнулся и всё-таки сделал шаг из каюты. Нина не стала помогать ему немедленно. Взяла со стенного крючка маленькую сумку, закрыла дверь и пошла рядом.

До столовой они дошли втроём. Семён двигался медленно, прислушиваясь к каждому шагу. На повороте его качнуло. Он остановился, посмотрел на трость, словно та могла объяснить происходящее, и попросил жену подождать.

Тимофей тоже остановился. Ему хотелось подхватить мужчину под локоть и довести последние десять метров, но Арефьев уже выбрал, за какой поручень возьмётся. Нина смотрела на мужа, сжимая ремешок сумки. Ни один из них не просил помощи.

В столовой переставлял стулья помощник капитана Вениамин Ровен, которого на борту звали Беней. Он делал это с таким видом, будто лично придумал, как обедают люди. Увидев Арефьевых, отодвинул крайний стол и постучал ладонью по сиденью возле стены.

— Тут не заденут. И Родион близко, можно жаловаться ему прямо.

— На что? — спросила Нина.

— Не знаю ещё. Он не сказал, что приготовил.

Из раздаточной донеслось:

— Ровен, третью добавку не получишь.

— Видите? Уже началось.

Тимофей помог поставить трость так, чтобы она не упала, и пошёл к дальнему концу зала. На столах лежали чистые салфетки. В небольших прозрачных ёмкостях стояло по одному зелёному побегу — Марта настояла, что в первый вечер людям нужны настоящие растения, даже если смотреть они будут в основном на тарелки.

За дальним столом молодая женщина распаковывала круглую чашу. Рядом сидела девочка лет одиннадцати и держала на коленях мягкий футляр. Женщина вынимала из него вещи осторожно, но без торжественности, словно раскладывала обычную посуду после переезда.

— Вы здесь выступать собираетесь? — спросил Тимофей.

Она подняла голову. Волосы были собраны небрежно, одна прядь прилипла к щеке.

— Если разрешат. Мне обещали общий зал после ужина. А сюда принесли по ошибке.

— Кто принёс?

Девочка указала на себя.

— Мы сами. Тут тоже общий зал, по-моему.

Женщина засмеялась.

— Арина Чекмарёва. Это Варя. Мы вечно входим не в ту дверь, но обычно успеваем уйти до начала чего-нибудь важного.

Тимофей назвал себя. Арина посмотрела на нашивку.

— Корабельный врач?

— Для самого корабля.

— Тогда вам можно пожаловаться на звук. Он у вас здесь странный.

Она провела пальцем по краю чаши. Тонкий прозрачный звон поднялся над разговорами. Варя улыбнулась, будто мать произнесла знакомое слово на чужом языке.

Тимофей прислушался. В звуке дрожала низкая неровная нота.

— Вентилятор под полом, — сказал он.

— Я знаю. Но он попадает туда, где у меня начало. Всё время хочется начать ниже.

— Можно выключить на несколько минут.

— Ради музыки лучше не выключать воздух. Мы обойдёмся.

Она снова коснулась чаши, теперь чуть иначе, и прежняя дрожь исчезла в другом звуке. Варя забрала у неё мягкую прокладку, сложила вдвое и ловко подложила под основание.

— Так не передаётся от стола, — объяснила девочка Тимофею. — Мы в гостинице тоже подкладывали. Там под нами стирали.

Ровен подошёл с пустым подносом.

— У меня есть предложение. Сначала вы дадите людям поесть, потом я отнесу это куда нужно. Бесплатно. За право не петь.

— Кто вам предложил петь? — спросила Арина.

— Никто. Но я заранее защищаюсь.

Варя засмеялась. Тимофей взял ближайший футляр и вместе с помощником капитана перенёс инструменты в маленькую кладовую возле общего зала.

* * *

После ужина столовую закрыли для уборки. Тимофей остался помогать Родиону с последними подносами: ему нравилось несколько минут заниматься работой, в которой не требовалось догадываться, что именно произошло.

Повар складывал чашки в мойку. В его руках даже тонкая посуда выглядела надёжной. На плече белела засохшая полоска муки; Родион пытался стряхнуть её локтем, только размазывая.

— Ты хоть с сестрой поговорил? — спросил он.

— Запись посмотрел.

— И ответил?

— Ещё нет.

— Она тебя скоро обратно не примет. Найдёт квартиранта, который отвечает.

— Она не хозяйка моей жизни.

— Комнаты хозяйка. Начни с этого.

Тимофей поставил последний поднос и показал повару плечо. Родион глянул на белое пятно, вздохнул и снял куртку.

— С Мартыными растениями не связывайся, — предупредил он. — Она сказала, вы со своим мальчиком хотели взять лист на анализ.

— Филипп хотел сравнить ткани.

— У неё помидор. У тебя корабль. Уже есть разница.

— Ты удивишься, насколько иногда полезно сравнить совсем разные вещи.

— Я не удивлюсь. Я однажды сравнил твою порцию с Филипповой. Мальчик ест лучше.

Тимофей рассмеялся и выбрался в коридор, пока разговор не превратился в обязательство вернуться за новой едой.

В общем зале уже собирались люди. Вдоль одной стены стояли обычные кресла, а у другой были подняты складные сиденья. Тимофей заметил мужчину, пытавшегося опустить одно из них. Замок не поддавался.

— Эти пока не нужны, — сказала проходившая Марта.

— Здесь лучше видно.

— Они аварийные. Сначала займём обычные.

Мужчина пожал плечами и отошёл. Тимофей дождался, пока он скроется за креслами.

— Зачем заперла?

— Потому что Олег сложил за ними чужой багаж. Пока я не заберу крепёж для новых ячеек, сиденья не опустить.

— Лада знает?

Марта посмотрела на него.

— Знает. До перехода всё уберём. Только не надо сейчас

идти и рассказывать ей, что я забыла. Я как раз иду за крепежом.

Он поднял ладони. Техник прошла мимо, пахнув зеленью и тёплой тканью.

В глубине зала Арина расставляла чаши на низком столе. Варя сидела у стены и пыталась заплести матери вторую косу. Получалось плохо: Арина всё время поворачивалась к людям, приветствовала знакомых по посадке и отвечала на вопросы. Девочка в конце концов отпустила волосы и сказала, что с таким характером надо стричься коротко.

Тимофей нашёл место в последнем ряду. Рядом опустилась Лада. Она уже переоделась, оставив рабочую куртку где-то на мостике, и теперь выглядела так, будто пришла сюда из другой жизни: мягкий тёмный свитер, тонкий серебряный браслет, волосы, которые обычно были убраны туго, лежали свободнее.

— Ты часто её слушала? — спросил он.

— Никогда.

— Тогда почему пригласила?

— Она сама предложила. Хорошие вещи иногда случаются без капитанского распоряжения.

Варя закончила свою работу, обошла стол и села на пол возле матери. Арина сказала, что начнёт с короткой вещи, потому что после дороги людям хочется спать, а не знакомиться с её многолетними поисками. По залу прошёл довольный смех.

Первый звук Тимофей почти пропустил. Он ещё думал о второй волне под передней подушкой, о том, как лучше расположить датчики, и о температуре, до которой Филипп согрел пробу. Затем к первому звуку прибавился другой, ниже и мягче. Они некоторое время шли рядом, расходились, снова встречались. В маленьком зале стало необычно тихо.

Тимофей опустил глаза. Ариныны руки двигались над чашами, иногда касаясь края, иногда задерживаясь в воздухе. Варя следила за ними с выражением человека, который знает следующий поворот и всё равно каждый раз ждёт его.

У передней стены Нина Арефьева положила ладонь на мужнино колено. Семён сидел прямо, не опираясь на спинку, и смотрел на чаши так внимательно, будто они делали полезную работу, которую он хотел понять.

Музыка не была похожа ни на голоса, ни на двигатели. Тимофей вдруг вспомнил воду во дворе дома, где он вырос, после большого дождя. Узкую канаву, по которой он пускал щепки; мать, требовавшую оставить наконец лужу и идти есть; длинные пальцы сестры, отнимавшие у него самый удачный кораблик. Он ощутил холодную воду в рукаве.

Лада пошевелилась рядом. Он повернулся и увидел, что она смотрит на Варю, а не на музыкантшу. Девочка прикрыла глаза. Её губы едва заметно двигались, повторяя счёт, которого остальные не слышали.

После короткой вещи Арина предложила сыграть ещё одну. Ровен из первого ряда попросил ту, под которую можно

не становиться лучше, а просто сидеть. Пассажиры засмеялись. Арина обещала попробовать.

Тимофей тоже рассмеялся, и в этот момент на его запястье вспыхнул вызов.

Он сразу опустил рукав, но Лада уже заметила.

— Иди, — сказала она тихо.

— Это, наверное, Филипп.

— Тем более иди. Иначе будешь здесь сидеть только носками.

Тимофей посмотрел на свои ноги. Из-под брюк действительно выглядывали разные полосы — синяя и серая. Лада улыбнулась и снова повернулась к сцене.

* * *

Филипп ждал его у переходной кабины.

— Я не хотел вызывать в зал.

— Но вызвал.

— Сначала Зоя сказала, что сама разберётся. Потом попросила вас.

В невесомом коридоре помощник сразу стал серьёзнее. Он пропустил Тимофея вперёд, закрыл за ними переход и показал на боковое ответвление к управлению.

Зоя сидела одна. На большом экране перед ней висела «Нарта», видимая с наружной камеры на конце длинной фермы. В обычном освещении её тело казалось тяжёлым и

неподвижным. Сейчас шесть лопастей были расправлены, а тонкие светящиеся линии на внутренней поверхности медленно меняли яркость.

— Она держит другой наклон, — сказала кормчая.

Тимофей закрепился у соседнего места.

— Сильно?

— В пределах подхода. Я поправляю, она возвращается. Потом опять поправляю. Она опять возвращается. Будто там ей удобнее.

— Что снаружи?

— Ничего близкого. Причал за кормой. Два ходока на соседних курсах, до них далеко. Один уже складывается.

Зоя увеличила дальний участок. Среди звёзд проступило вытянутое тело, окружённое редкими огнями человеческих построек. Тимофей узнал «Тавру». Он видел её на той же станции позавчера и успел поговорить с врачом, который жаловался на испорченные питательные мешки.

— Это она так к переходу готовится? — спросил Филипп.

Тимофей не ответил. Лопасты «Тавры» закрывались не по очереди, как он привык видеть, а почти одновременно. Их края сходились над телом, создавая длинную тёмную щель. Огни на наружных модулях исчезали за складками.

— Она раньше нас выходит, — сказала Зоя. — У неё назначение в другую сторону.

«Нарта» медленно изменила наклон. На схеме загорелась поправка. Зоя дала знакомый сигнал, и тело ответило, вер-

нувшись к выбранной линии.

Через несколько секунд оно снова повернулось.

Тимофеем открыл местные показатели. У передней подушки шли те же две волны. Теперь промежуток между ними был короче.

— Не удерживай пока, — сказал он.

Зоя посмотрела на него.

— У нас ещё есть место?

Она проверила наружную картину.

— Есть.

— Тогда посмотрим, куда она хочет лечь. Без перехода.

Кормчая убрала руку с сенсорной полосы, оставив вторую возле ограничения переходного режима. «Нарта» продолжала поворачиваться. Движение было медленным; на большом изображении почти ничего не менялось. Только линия выбранного направления ушла от середины.

«Тавра» сложилась.

На миг её тёмный силуэт стал узким и неправильным. Звёзды возле него сместились, как огни за толстой неровной водой. Затем корабль исчез. На его месте осталось несколько маленьких точек — сброшенные перед переходом наружные маяки. Они продолжали передавать время и пустое пространство вокруг себя.

«Нарта» остановила поворот.

Зоя медленно убрала вторую руку от ограничения.

— Видел?

Тимофей смотрел на пустое место.

— Сохрани весь участок, — сказал он. — От первой поправки.

Филипп уже тянулся к своему экрану.

— Она хотела вслед за ней?

— Зоя, позови капитана.

Кормчая включила вызов. В ответ донёсся далёкий звон чаши, затем Ладин голос:

— Слушаю.

Тимофей посмотрел на запястье. До их собственного перехода оставалось пятьдесят две минуты. Сообщение сестре он так и не записал.

Глава 3. Восемь минут тишины

Лада пришла с браслетом в кармане. Пока закреплялась в кресле, он выскользнул наружу и поплыл к потолку. Капитан поймала его, сунула глубже и только тогда попросила показать запись.

Они посмотрели два поворота «Нарты», каждый раз на несколько градусов, и уход «Тавры». На маленьком экране всё казалось менее значительным. Большой организм выбирал удобное положение; другой большой организм делал то, для чего люди держали его возле станций.

— Как часто она раньше поворачивалась без команды? — спросила Лада.

Зоя подняла историю рейса.

— Здесь, возле причала, часто. После кормления. Когда рядом проходят буксиры. Когда ферма меняет распределение веса.

— А на внешней метке?

— Пять раз за последние три выхода. Но не в одну сторону после поправки.

Тимофей подался к её экрану. Он помнил два случая и не помнил остальных трёх.

— Связаться с «Таврой» успеваем? — спросила Лада.

— До перехода они нас слышали, — ответила Зоя. — Теперь только её маяки. Через них можно оставить сообщение,

когда вернётся кто-нибудь с той стороны.

— Оставим. Ильяс, передай их врачу запись и наш вопрос. Без диагноза.

Голос связиста отозвался из стены:

— Какой именно вопрос?

Лада посмотрела на Тимофея.

— Было ли у них такое же движение перед складыванием,
— сказал он. — И белая плёнка в складках. Приложи снимок.

— Принял.

До назначенного времени оставалось сорок три минуты. Их первая остановка была у шестого узла: дозаправить человеческие двигатели, принять пакеты для двенадцатого и высадить шесть человек. Весь путь до дома Арефьевых занимал по расписанию восемнадцать суток. При хорошем состоянии ходоков получалось шестнадцать. Лада никогда не обещала шестнадцать.

Она попросила Зою ещё раз вывести местный подход. Впереди было свободно. Последний чужой ходок, медленный грузовой «Керн», держал свой курс и не показывал ничего необычного.

— Если возвращаемся, сколько до причала?

— Час сорок. Потом опять готовить место, — ответила Зоя.

— Это время, а не причина. Тимофей?

Он смотрел на две волны под опорой. Они шли с преж-

ним небольшим разрывом; ткань получала питание, наружный покров сохранял прочность. Он хотел ещё один опыт, потом другой. Ему хотелось вырезать кусочек плёнки глубже, сравнить свечение, поймать момент, когда второй ходок начнёт складываться. На всё это требовалось оставить корабль возле станции хотя бы на сутки. Что именно он собирался доказать за сутки, Тимофей пока не мог сказать.

— Сейчас у неё нет признаков повреждения, — произнёс он. — Ответ на обычные сигналы сохранён. Поворот сам закончился. Я предлагаю подержать её здесь двадцать минут и проверить опоры перед переходом. Если снова уйдёт с линии, вернёмся.

— Что даёт двадцать минут?

— Два полных цикла обмена в передней складке. Увидим, сохраняется ли новая волна без соседнего корабля.

Зоя кивнула: длительность цикла была ей знакома.

Лада убрала с большого экрана расписание.

— Держим. Людей пока не пристёгиваем. Марте — закончить со свободными креслами. Никону — проверить крепления с камер. Филипп, вы сейчас отвечаете за запись, а не за объяснение.

Помощник уже открыл рот и сразу закрыл.

Двадцать минут оказались длиннее, чем ожидал Тимофей. «Нарта» не поворачивалась. Передняя складка дважды наливалась слабым голубым светом и гасла. Вторая волна приходила всё реже, пока её стало трудно отличить от обыч-

ной неровности. Никон прислал изображение опор: широкие подушки лежали ровно, фермы сохраняли зазоры. Участок с плёнкой ничем не отличался от снимка перед отходом.

Филипп не задавал вопросов, но следил за лицом врача так пристально, что Тимофей наконец сказал:

— Если я почешу нос, это тоже не будет объяснением.

— Я проверял, видите ли вы второй пик.

— Вижу. Сохрани вместе с теми, где его нет.

Из общего зала пришла фотография: складные кресла опущены, перед ними свободный проход, Варя сидит в крайнем и показывает Марте большой палец. Техник подписала снимок: «Все лишние места на месте». Лада прочитала и коротко улыбнулась.

Когда истёк срок, Зоя провела обычную последовательность подготовки. «Нарта» отозвалась на каждый местный сигнал. Лопасты начали закрываться по очереди, как делали в прошлых рейсах. Тимофей сам попросил задержаться перед последней парой и проверил температуру у передней подушки.

— В пределах, — сказал он.

Лада включила общий канал.

— Говорит капитан. Готовимся к первому переходу. Займите свои кресла, закрепите вещи и проверьте ремни у тех, кому нужна помощь. В коридорах оставаться нельзя. Если вы забыли книгу, книга доберётся до шестого узла и без вас.

Ровен, уже спустившийся к пассажирам, сообщил, что

один человек всерьёз спросил, можно ли оставить книгу в столовой.

— Можно, — сказала Лада. — Пусть подпишет.

Тимофей вернулся в лечебный блок. Филипп последовал за ним, зацепился ногой за край кресла, выругался шёпотом и сел. Они закрепили всё, что могло оторваться от стен. Контейнер с белой плёнкой остался в прозрачном гнезде, под двумя независимыми замками.

В наружном окне медленно двигалась лопасть. Она прикрывала звёзды, но не спинную ферму: над человеческими модулями сохранялся длинный свободный жёлоб. Вдоль его стен расходились линии холодного света. Филипп перестал смотреть на экран.

— Сколько раз вы это видели?

— Не считал.

— Я всё время собираюсь записать для матери. Потом понимаю, что на записи будет просто темно.

— Запиши себя. Она обрадуется больше.

В наушнике щёлкнул голос Зои:

— Сброс маяков. Все секции подтвердили готовность.

Тимофей положил ладонь на край стола. На самом деле стол ничего не сообщал о состоянии «Нарты»; слишком много прокладок и сочленений отделяло его от живой ткани. Но за годы он привык встречать переход именно так.

Звёзды потекли к одному краю окна.

Первые секунды не отличались от обычных. Наружная картинка растянулась, погасла, и вместо пространства экран показал собственную проверочную сетку. Внутреннее освещение осталось прежним. Воздух тихо шёл через решётки. Где-то в соседнем отсеке застучал плохо закреплённый чехол.

Потом исчезли сигналы «Нарты».

Не погасли приборы, не оборвались линии. На экране продолжали работать часы, приходила температура каждой опоры, отмечалось напряжение фермы. Но движение жидкости под наружным покровом стало ровным. Обе волны исчезли. Свет внутри складок замер на одном значении.

Филипп наклонился вперёд настолько, насколько позволяли ремни.

— Потеря связи?

Тимофей вывел соседние датчики. Те, что принадлежали людям, видели друг друга. Сеть в ткани отвечала на проверочный импульс. От организма не приходило перемен.

— Связь есть.

Он сказал это спокойно, а сам почувствовал, как холодеет спина. В прошлом «Нарта» работала внутри перехода особенно тяжело. Человек не умел заглянуть в её переходные органы, зато видел напряжение боковых слоёв, перераспре-

деление тепла, короткие выбросы вещества. Теперь всё это остановилось.

— Зоя, у тебя то же самое?

— Да. Направление удерживается. Выход пока не открыт. На служебном экране появился капитанский канал.

— Что случилось?

— Изменился обмен во время перехода. Опоры держат, наружная ткань цела.

— Что можем сделать?

Тимофей посмотрел на запертую ампулу обычного препарата. Её было достаточно, чтобы убрать судорогу, если бы судорога была. Сейчас она могла только добавить неизвестное к неизвестному.

— Пока следить. Ввести что-либо вслепую будет хуже.

Слова показались ему трусливыми. Он привык, что от врача ждут действия, и особенно тяжело было не действовать перед учеником. Филипп уже открыл аварийную схему. Палец его остановился возле первой строки, где требовалось установить причину отсутствия ответа.

— Не листай, — сказал Тимофей. — Смотри на живые данные.

На второй минуте у крайней правой лопасти поднялась температура. Совсем немного. Тимофей увеличил участок, проверил соседние значения. Полоса тепла медленно двигалась от края внутрь. Через сорок секунд такая же полоса появилась слева.

— Есть движение, — сказал он.

Филипп выдохнул так громко, что микрофон отсёк звук.

На третьей минуте Марта сообщила о запахе горячего пластика в переднем жилом переходе. Лада велела отключить один световой ряд и проверить местную проводку. Тимофей хотел сказать, что к организму это отношения не имеет, но остановился. Сейчас он не знал, что к нему имеет отношение.

На пятой минуте лампы в лечебном блоке показались слишком яркими. Он убавил свет, потом вернул: Филипп смотрел на пробу. Белая плёнка не двигалась. В тёплом контейнере маленькие тёмные точки собрались у одного края, однако они собирались там и раньше, когда помощник менял освещение.

— Не трогай, — предупредил Тимофей.

— Я не трогаю.

Он действительно сидел, вцепившись пальцами в собственные ремни.

На шестой минуте капитан попросила доклад. Тимофей перечислил то, что видел, и услышал, насколько мало в его словах полезного. Лада не стала выжимать из него больше. Спросила, нужна ли помощь Ульяны.

— Мне?

— Вам обоим. Вы дышите так, будто сами тянете корабль.

Филипп неожиданно засмеялся. Тимофей тоже сделал глубокий вдох и почувствовал, что действительно всё это

время поджимал плечи.

Через восемь минут после исчезновения сигналов в передней складке что-то дрогнуло.

Сперва вернулась одна волна. Затем другая, почти без промежутка. Температурные полосы на боках разошлись. Внешний экран мигнул белым, и в окне появились звёзды.

Филипп сказал:

— Вышли.

Тимофей смотрел на них, не веря облегчению. Обычно шестой узел встречал корабли одинокой жёлтой звездой, далеко от которой блестела дуга навигационных отражателей. Теперь в окне находились две яркие голубоватые точки. Дуги не было.

— Зоя?

— Вижу. Определяем место. Не отстёгиваться.

«Нарта» раскрывала лопасти. Тимофей всматривался в каждую светлую складку с такой нежностью, что сам бы рассердился, если бы кто-нибудь заметил. Ткань жила. Она двигалась сильнее, чем перед уходом, и новая волна перекачивалась вдоль переднего края, не совпадая с обычным обменом.

Затем пришёл удар.

Не сильный; в кресле его почти нельзя было почувствовать. Но стол перед Тимофеем коротко задрожал, а запертый контейнер стукнул в своём гнезде.

— Наружное касание, — сказала Зоя. — Справа. Мелочь.

Никон уже включил камеру. В её поле медленно поворачи-

чивался небольшой тёмный камень со светлым сколом. Он задел защитную решётку и уходил прочь.

* * *

Лада разрешила отстегнуться только экипажу. Тимофей и Филипп добрались до управления; капитан уже стояла на закреплённых подошвах рядом с Ильясом. У связиста было молодое, сосредоточенное лицо человека, которому очень мешает желание заговорить прежде, чем он всё проверит.

— Не шестой узел, — сказал он. — Не ближайший подход к нему. Навигация сравнивает дальние опоры. Дайте ей ещё несколько минут.

На общем изображении одна за другой возникали маленькие отметки. Часть принадлежала обломкам. Часть двигалась слишком согласованно для обломков.

— Два корпуса, — сказала Зоя. — Вон там. Между ними трос или ферма. Пока не разберу.

Капитан включила вызов на аварийной частоте и назвала корабль. Ответа не было. Она повторила медленнее, сообщила, что видит отделённые модули и готова помочь.

Тимофей приблизил правую отметку. Из точки она превратилась в вытянутое пятнышко. Разглядеть повреждения с такого расстояния было нельзя.

— Мы к ним идём? — спросил Филипп.

— Сначала узнаем, как они движутся, — ответила Лада.

— Инна, готовь челнок. Без старта.

Потом она переключилась на пассажиров.

— Мы закончили переход с отклонением от маршрута. Сейчас уточняем положение. Опасности внутри наших секций нет. Оставайтесь в креслах ещё десять минут. Ровен и Ульяна пройдут по залам.

У Тимофея снова завибрировал браслет. Родион спрашивал, можно ли включать нагреватель: ужин закончился давно, людям понадобится чай. Тимофей перенаправил вопрос Марте.

Связь ожила с коротким треском.

— ...не принимать по корме. Повторяю: у восьмого корпуса незакреплённая стрела. Есть люди. Центральная связь потеряна. Кто меня слышит, не подходите по корме.

Голос был женский, ровный и очень хриплый. Лада ответила сразу. Ильяс коснулся её локтя.

— Это повторная передача. Ждём, когда включатся сами. Расстояние — около двух световых секунд.

Капитан кивнула и переключила микрофон на постоянную запись, чтобы не упустить ответ. Тимофей увидел, как она прижала ладонью карман, где лежал браслет. Этот маленький жест почему-то сильнее всего напомнил ему общий зал, Арину над чашами и Варю, сидящую у её ног.

Навигация нашла совпадение. На экране возникла скучная строка каталога, которую никто из них никогда не произносил вслух. От шестого узла их отделял ещё один меж-

звёздный переход. Обитаемой станции в этой системе не было.

Вслед за голосом пришло изображение с чужой наружной камеры. Большой белый цилиндр медленно поворачивался возле обломанной стрелы. Несколько окон светились. На его боку была старая эмблема: длинная волна и три поперечные черты.

Тимофей знал эту эмблему. Позавчера её носил на рукаве врач, ругавшийся из-за испорченного корма.

Перед ними лежали жилые модули «Тавры».

Самого ходока не было видно.

Глава 4. Дом на спине

Женщина вышла на связь не сразу. Сначала она дважды повторила предупреждение о стреле, затем попросила называть судно ещё раз. Когда услышала ответ, долго молчала.

— Мы вас видели на причале, — сказала наконец. — У вас на передней ферме красная заплата.

— Есть заплата, — ответила Лада.

— Значит, настоящие.

Связист отвёл взгляд от экрана. Тимофей понял, что именно она успела передумать, оставаясь возле двух искалеченных корпусов. В аварийном канале могли звучать чужие старые записи; человеку хотелось ответа, а он получал собственный голос из другого часа.

Женщину звали Неля Шутова. Она заведовала жилыми секциями «Тавры» и сейчас находилась возле единственного работающего передатчика. Капитан был жив, но говорить пока не мог. Вместе с Нелей в двух соединённых переходом корпусах оставались двадцать четыре человека. Ещё двое погибли в раздавленном служебном блоке. Когда она назвала корабельного врача Антона Шерстова, Тимофей закрыл глаза.

Три дня назад Антон пытался угостить его чем-то круглым из бумажного пакета. Самодельными сладостями, слиш-ком твёрдыми для зубов. Он ругался из-за корма, жевал свою

сладость и предлагал второй кусок с такой настойчивостью, что Тимофей соврал про больной зуб.

Теперь он не мог вспомнить, о чём они говорили, кроме питательных мешков.

Лада спросила, выдержат ли корпуса подход «Нарты». Неля ответила не сразу: позвала кого-то, объяснила, что именно спрашивают. На заднем плане заскрежетал металл. Потом низкий мужской голос сообщил, что воздух держится, но расход энергии у них двойной, потому что приходится греть оборванные магистрали.

— До вас часов семь, — сказала Лада после короткого разговора с Зоей. — Мы придём с носовой стороны. Есть возможность отключить пустые помещения?

— Мы там держим... — Неля остановилась. — Да. Сейчас отключим.

Она не сказала, кого или что держали в пустых помещениях. Ульяна, стоявшая возле двери, попросила вывести её на отдельный канал. Ей нужны были сведения о раненых. Лада освободила место, и врач людей села перед чужим экраном, словно начинала обычный приём.

Тимофей вернулся в лечебный блок. «Нарта» шла на местных органах движения, медленно меняя положение боковых складок. Сигналы не пропадали, крепления были целы. По показателям она выглядела отдохнувшей. Это было хуже всего: животное не знало, что они только что услышали имя мёртвого человека.

Филипп спросил, был ли Шерстов знакомым.

— Знакомым, — ответил Тимофей.

Помощник подождал, но больше спрашивать не стал. Подвинул к врачу стакан в закрытом держателе и ушёл проверять наружные камеры.

До спасённых оставалось семь часов. За это время можно было успеть испугаться, успокоиться и снова испугаться. Тимофей начал готовить переносной комплект, хотя Ульяна ещё не просила его лететь. Он взял инструменты для живой ткани, посмотрел на них и заменил половину крепежом для носилок.

* * *

На «Нарте» утро наступило раньше будильников.

Ровен разбудил пассажиров тихим объявлением. Объяснил, что они принимают людей с повреждённого корабля, что общий зал временно станет спальней и что просьба освободить проходы относится также к тем сумкам, которые, по мнению владельцев, никому не мешают.

Родион приготовил большую кастрюлю густой каши. Марта развесила новые полотняные перегородки между складными креслами и поругалась с Олегом из-за места для чужих вещей. Олег утверждал, что у спасаемых вещей не будет. Марта предложила ему попробовать покинуть корабль без своих трёх одинаковых курток.

Тимофей шёл к малому причалу, когда из каюты вышел Семён Арефьев. На нём была та же рубашка, только застёгнутая не на ту пуговицу.

— Мы можем уступить нижнюю койку, — сказал он. — Если кому тяжело двигаться.

— Вам самому тяжело.

— Мне трудно ходить. Лежать я умею на любой высоте.

Из-за его плеча выглянула Нина.

— Он всю ночь думал, как забраться наверх. Скажите, что не надо.

Тимофей улыбнулся, но отвечать за Ульяну не стал. Попросил пока оставить обе койки свободными от багажа. Семён принял это как начало переговоров и отступил в каюту.

В шлюзе уже сидела Инна Плис, затягивая ворот скафандра. У неё были коротко остриженные волосы и небольшой свежий ожог на подбородке. Тимофей посмотрел на него.

— Не от двигателя, — сказала она. — От пирожка. Очень опасное оборудование.

Никон проверял сцепления на подошвах. Он делал это в одном и том же порядке, не отвлекаясь ни на разговор, ни на экран с чужими корпусами. Рядом Ульяна упаковывала последний мягкий воротник для фиксации шеи.

— Твоя работа там — свет и переноска, — сказала она Тимофею. — Если я попрошу держать, держи. Не помогай другим способом, пока не скажу.

— А если увижу живой кусок корабля?

— Скажешь. Я постараюсь не обидеться, что он тебе интереснее моей сумки.

Лада проводила их по связи. Она ещё раз назвала сторону подхода, напомнила о незакреплённой стреле и попросила Инну не принимать чужую картинку за нынешнее положение металла. Передача с «Тавры» шла с перерывами.

Челнок отошёл. «Нарта» осталась позади огромным тёмным берегом; светлые человеческие окна на её спине казались редкими и хрупкими. Тимофей вдруг увидел собственный дом глазами того, кто собирается впервые туда войти. Несколько тысяч тонн металла, подвешенных к существу, которое восемь минут не отвечало ни на один знакомый вопрос.

Он отвёл взгляд к чужим корпусам.

Они были больше, чем казались на экране. Два длинных цилиндра соединялись коротким толстым переходом. Вращение жилой пары остановили, но вся конструкция медленно кувыркалась вокруг другой оси. Обломанная стрела торчала из заднего узла; её свободный конец двигался широкой дугой. На белом борту виднелись жёлтые пятна утеплителя.

Рядом медленно поворачивалась белая панель с чёрной полосой по краю. В её середине было написано: «Бельё».

Инна отвела челнок от панели и не пошла к ближнему шлюзу. Облетела корпуса, посмотрела на стрелу с другой стороны и подвела челнок к уцелевшему боковому гнезду.

— Долго будет держаться? — спросила Ульяна.

— Для нас хватит, — ответила Инна. — Только обратно идём по одному. Не делаем из перехода праздничную толпу.

Никон вышел первым. Закрепил страховку, проверил чужое гнездо вручную и лишь потом разрешил стыковку. Пока шлюзы соединялись, Тимофей увидел на нижней стороне обломанной фермы тёмную полосу. К ней прилипли белые нитки, похожие на соль из первой пробы.

Он отметил место на записи.

— Вижу, — сказал Никон, хотя его не спрашивали. — Потом. Сейчас у нас дверь.

* * *

Внутри пахло людьми, перегретой изоляцией и чем-то сладким, разлитым давно и неубранным. Невесомость собрала мелкий мусор у вентиляционных решёток. На стене возле шлюза качалась детская варежка, привязанная к крючку короткой ниткой. Детей на «Тавре» сейчас не было; вещь осталась от другого рейса.

Неля встретила их в расстёгнутой рабочей куртке поверх домашнего платья. На груди виднелось большое мокрое пятно. Она вытирала руки о подол, хотя руки были сухими.

— Я воду пролила, — сказала она Ульяне. — Всё время проливаю.

— Покажите, где раненые.

Неля кивнула и повела их через жилой отсек. Люди сиде-

ли вдоль стен, притянутые ремнями к поручням. Один мужчина держал перед собой пустую обувную коробку. Другая женщина спала, уткнувшись лбом в свёрнутую куртку; её сосед придерживал куртку, чтобы та не уплыла.

Капитан «Тавры» находился у торцевой двери. Глеб Ракитин был невысоким широкоплечим человеком с красной полосой от удара поперёк лба. Он хотел отстегнуться, увидев пришедших, но Неля положила ладонь ему на плечо.

— Сидите, Глеб Павлович. Они уже здесь.

— Стрелу...

— Видели стрелу, — сказала Инна по связи. — Обошли. Ваше предупреждение получили.

Капитан закрыл глаза. Тимофей заметил, что всё это время он сжимал в кулаке обломок пластмассовой ручки.

Ульяна остановилась возле молодого парня, лежавшего на закреплённом матрасе. Его правая рука была обёрнута несколькими слоями ткани. Снаружи ткань оставалась сухой. Парень следил за врачом и старался выглядеть скучающим.

— Данила Тесов, — представился он прежде, чем его спросили. — Девятнадцать. Соображаю нормально. Сильнее нажимать не надо.

— Я ещё не начала.

— Просто предупреждаю.

— Очень полезно. Тимофей, свет сюда.

Он закрепил фонарь над её плечом. Ульяна развернула

только край повязки, задала несколько вопросов и снова закрыла. Данила смотрел в потолок. Неля отвернулась к стене.

— Сначала его, — сказала врач. — И ещё двоих, которых я отметила. Остальные подождут второго подхода. Мне нужны ровная поверхность и место у головы.

Тимофей подхватил нижний край носилок. Данила попытался помочь здоровой рукой, но Ульяна мягко убрала её на живот.

— Сейчас ты пассажир.

— Я вообще-то по ремонту.

— Тем более отдохни. Тут без тебя ещё хватит поломанного.

Они протащили носилки мимо торцевой двери. На её прозрачной вставке изнутри лежала чёрная перчатка. За ней уходил в темноту сплюснутый проход. Тимофей понял, что именно осталось в отключённой части, и слишком резко повернул голову.

— Ниже край, — сказала Ульяна.

Он опустил носилки, пропуская их под выступом, и больше не смотрел в дверь.

Первый рейс ушёл с ранеными и Ульяной. Тимофей остался с Никоном. В челноке было двенадцать мест, но лежащие люди заняли больше обычного. Инна обещала вернуться через полчаса: «Нарта» уже сократила дистанцию и держалась за пределами опасной дуги стрелы.

Неля начала собирать остальных. Выдавала каждому па-

кет, просила назвать имя и повторить, что оставлено в каюте. Один мужчина возмутился, что у него две сумки. Она посмотрела на него с такой усталостью, что он сам достал из первой всё лишнее и сложил на стол.

Тимофей помогал затягивать пакеты. В них лежали лекарства, записанные семейные архивы, тёплые носки, инструменты, странные мелочи, ценность которых было невозможно угадать. Из обувной коробки мужчина вынул маленькую рамку и попросил завернуть её в полотенце. Рамка была пустой: фотографию он уже перенёс в память браслета. Тимофей не стал спрашивать, зачем ему дерево.

— Он сам делал, — сказала Неля, заметив взгляд. — На Земле. В Перми. Там у него мастерская была.

— Я и сейчас могу, — сердито сказал мужчина. — Только дерева нет.

— Вот приедете, сделаете, — ответила она и ушла к следующему.

Когда люди собрались возле шлюза, Тимофей спросил, где находился Антон перед аварией. Неля показала на торцевую дверь.

— У себя. Они с Алёной смотрели переднюю опору. Она инженер у нас. Была.

— Запись осталась?

— Не знаю.

Он уже хотел попросить доступ к служебной сети, но увидел, что она ждёт другого вопроса.

— Мы заберём их, — сказал он. — Если проход позволит. Неля медленно кивнула.

— Я вам покажу снаружи. Никон уже смотрел. Там открыто с другой стороны.

* * *

Третий рейс ушёл с последней большой группой. В корпусе осталось пятеро живых: Неля, капитан, один пожилой грузчик и двое с «Нарты». Грузчик не мог пройти в скафандре без посторонней помощи; он терпеливо ждал, пока Неля застёгивала на нём чужой комплект.

Никон вызвал Тимофея к наружному переходу. Они вышли на короткую площадку, удерживаясь каждый на своей страховке. «Нарта» светилась вдалеке. Челнок, возвращавшийся от неё, был пока крошечной точкой.

Тёмная полоса на ферме оказалась куском наружного покрова «Тавры». Толстая, почти неподатливая пластина завернулась у края, обнажив гладкую нижнюю сторону. На ней не было разодранных глубоких тканей. Распределённая опора удержала то, к чему была прикреплена, — и унесла этот слой с собой.

Тимофей провёл по краю зондом. Под пластиной шла белая сетка, сдавленная и сухая. Накануне он видел похожую на «Нарте», но здесь она была шире ладони.

— Порвалась? — спросил Никон.

— Отделилась.

— Это лучше?

Тимофей посмотрел на раздавленный служебный блок.

— Не для тех, кто здесь сидел.

Он взял маленькую пробу и убрал инструмент. В голове уже выстраивалась картина: верхний слой сдвинулся, опора потащила ферму, противоположное крепление осталось на месте. Дальше металл делал с людьми то, для чего его никто не собирался использовать. Но пока это была только картина. Он не видел самого движения и не знал, какая опора отказала первой.

Никон протянул ему второй конец мягкой переноски.

— Держи здесь. За край не цепляй, он режет.

Они работали долго. Сперва пришлось открыть наружную обшивку, потом закрепить то, что ещё могло сдвинуться. Тимофей почти не смотрел на лицо Антона. Узнал его по кисти: при их встрече на большом пальце была синяя краска. Она осталась и сейчас.

Алёну Вишневскую он прежде не встречал. На внутренней стороне её шкафчика была приклеена записка с тремя пунктами, и последний кто-то перечеркнул сердитой волнистой линией. Тимофей прочитал только одно слово — «позвонить» — и отвёл фонарь.

Когда обе переноски были закреплены снаружи у шлюза, Неля передала ему маленький жёсткий накопитель.

— Нашла в жилой сети. Последняя общая запись. Не

знаю, есть ли там то, что вам нужно.

Он принял накопитель и хотел поблагодарить, но она уже отвернулась. Капитан стоял в дверях, одетый в аварийный костюм. Красная полоса на лбу потемнела. Он смотрел мимо челнока, туда, где должны были находиться четыре километра живого тела.

— Она сбросила нас, — сказал он.

— Мы пока не знаем, как это произошло, — ответил Тимофей.

Ракитин повернулся к нему.

— Вы не знаете. А я там был.

Тимофей не нашёл ответа. Никон взял капитана под локоть и помог перейти в челнок.

Неля задержалась последней. Она вернулась к стене возле шлюза, отвязала варежку и сунула её в карман платья.

— С прошлого рейса, — объяснила она зачем-то. — Девочка забыла. Я обещала передать, если встретимся.

Тимофей подождал, пока она проверит пустой крючок. Потом они закрыли за собой дверь.

* * *

На «Нарте» чужих людей встречали одеялами и горячими кружками. В общем зале пахло кашей. Семён Арефьев сидел возле нижней койки и объяснял Нине, что верхняя вообще удобнее, потому что никто не ходит над головой. Ульяна ве-

лела оставить его внизу, и спор уже не имел практического значения, но отказываться от него Семён не собирался.

Варя помогала Родиону раздавать ложки. Она сосредоточенно считала их, всякий раз начиная сначала, когда кто-нибудь брал одну без спроса. Арина стояла у края прохода и спрашивала прибывших, кому надо передать короткое сообщение. Ильяс обещал собрать все записи в один пакет для первой встречной почты.

Неля села на складное кресло, не сняв куртки. Перед ней поставили миску. Она взяла ложку, посмотрела в кашу и заплакала без звука, с открытыми глазами. Марта опустилась рядом. Ничего не сказала, только придержала миску, пока чужие руки снова не смогли её удержать.

Тимофей прошёл мимо. Он всё ещё чувствовал на перчатках вес переноски, хотя здесь, во вращающейся секции, руки были уже голыми.

Лада ждала у переходной кабины.

— Сто двадцать два живых, — сказала она. — Всех принятых сверили. Двое погибших отдельно. Ульяна просит пока не тревожить Ракитина вопросами.

— Я привёз запись.

— Сначаланими скафандр до конца. У тебя нижняя застёжка в крови.

Он посмотрел вниз. На складке наружного чехла было тёмное пятно, которого он не заметил в шлюзе. Теперь, при обычном свете, оно выглядело маленьким и будничным.

Лада подала ему чистый пакет.

— Переоденься. Потом посмотрим вместе.

Глава 5. Неподходящая болезнь

На записи Антон Шерстов был сердит и жив.

Он стоял перед открытым шкафом, прижав к бедру мягкий мешок с питательной смесью. Тот никак не входил в узкую ячейку. Антон толкал его ладонью, мешок выпирал с другого конца, и врач сердился всё сильнее.

— Кто-нибудь когда-нибудь сделает шкаф по размеру того, что в нём лежит? — спросил он в сторону камеры.

— Сначала ты положишь туда то, что должно, — ответила женщина за кадром.

— Алёна, тут на ячейке написано «смесь».

— На соседней написано «запасные рукавицы». Ты и туда смесь запихнул.

Он поднял голову, увидел, что запись уже идёт, и махнул рукой.

— Ладно. Продолжаем. Передняя левая, участок у третьего крепления.

На экране возникла белая сетка.

Тимофей остановил изображение. Лада сидела рядом, уже в рабочей куртке. Капитан смотрела на снимок без выражения; только подушечка большого пальца медленно двигалась по краю стола.

У «Тавры» сетка появилась шестью днями раньше. Антон нашёл её под старой опорной пластиной, счёл наружным за-

селением и применил обычный промывочный состав. После обработки поверхностные нити исчезли. На следующий день вышли снова, уже дальше от края. Тогда врач изменил смесь и назначил покой.

Это не было бессмысленным лечением. Под похожей плёнкой у ходоков действительно селились чужие организмы; они пользовались теплом складок и иногда перекрывали обменные поры. Тимофей сам снимал такие наслоения десятки раз. Но здесь белая сетка начиналась глубже, чем показывал снимок Антона. Он знал это по пластине, которую только что держал в руках.

— Он видел только верх, — сказал Тимофей.

— Ты тоже вчера видел верх.

— Да.

Лада ждала. Ему хотелось объяснить, чем его проба отличалась от чужой, как осторожно он работал и чего не успел сделать погибший врач. Он ощутил это желание и отвернулся к записи.

За три часа до ухода «Тавре» дали привычный успокаивающий препарат. Доза была обычной для её массы. Антон проверил дыхание складок, прочность старых пластин и отклик на направляющие сигналы. После проверки сам разрешил рейс.

— До этого всё нормально, — произнёс Тимофей.

Дальше шла пустая дорожка отсутствующей записи: часть приборов была связана только с потерянным служебным

блоком. Общая сеть сохраняла складывание, выход, затем резкое смещение нагрузки. Никакого объяснения между ними не было.

Алёна успела сказать:

— Подожди, передняя идёт вместе с...

Запись перескочила на другую камеру. По коридору летел белый ящик. Человек возле двери втянул голову в плечи, будто мог таким образом стать меньше. Потом исчез и этот кадр.

Тимофей выключил звук.

Лада некоторое время смотрела на неподвижную строку времени.

— Мы вчера сделали почти то же самое.

— Препарат не вводили.

— Это ты считаешь причиной?

Он посмотрел на запертую ампулу у стены. Ему очень хотелось считать её причиной. Тогда различие уже существовало, и можно было сказать себе, что «Нарта» осталась целой благодаря правильному решению.

— Пока нет. У «Тавры» сетка появилась раньше. Может быть, у неё само изменение зашло дальше. Может быть, крепления иначе держали. Нужно сравнить.

— Сравнивай. Но не обещай мне, что наша не сделает того же.

Тимофей повернулся к капитану.

— Я не обещаю.

— Хорошо. Тогда будем готовить то, что можем подготовить.

Она вызвала Никона и Марту. Нужно было проверить, какие части человеческого дома смогут отделиться самостоятельно, если живая спина перестанет их держать.

* * *

Тимофей уснул на сорок минут и проснулся от собственного голода.

В лечебном блоке горел дежурный свет. Филипп, наконец переставший ждать объяснения по каждому поводу, сравнил две пробы. На экране рядом лежали белая сетка «Нарты» и сухой обрывок с «Тавры». При одинаковом увеличении они были похожи, но у чужой ткани мешочки вытянулись в узкие связки.

— Они не растут сверху, — сказал Филипп, увидев, что врач открыл глаза. — По крайней мере здесь. Смотрите на край среза.

Тимофей закрепился возле него. Помощник показал место, где белая нить уходила в тёмный слой и терялась между его волокнами.

— Или проникли внутрь, — сказал Тимофей.

— Да. Но я не вижу, откуда.

Они повторили сравнение при другом свете. Тимофей проверил состав оболочки, затем начал искать похожие опи-

сания в местной библиотеке. Привычные наружные заселения находились быстро. У каждого была фотография, список проявлений, несколько случаев удачного лечения и несколько неудачных. Их проба не укладывалась ни в один ряд целиком.

Одна старая статья описывала слоистое отделение у ходока, погибшего возле рудной станции. Другая — потерю контакта с животным после длительного перехода. В третьей молодой врач предполагал возрастное изменение опорной ткани и честно признавал, что получил образцы только после аварии. Ни один из авторов не видел того, что происходило с живой «Нартой» сейчас.

Тимофей сохранил три работы для чтения, но закрыл обзор. Он уже ловил себя на том, что ищет в каждом абзаце слово, которое позволит назвать происходящее знакомым.

— Есть кому отправить? — спросил Филипп.

— Еве Корбут. Если встретим почту на шестой.

— Это которая писала про наружный обмен?

— Та самая. И которая однажды вытащила меня из питательного мешка.

Помощник оживился.

— Как вы туда попали?

— Очень профессионально. Головой вперёд.

— Зачем?

— Вот это был правильный вопрос. Ева его тоже задала.

Филипп рассмеялся. Тимофей вспомнил, как Ева взяла

его за щиколотки и велела перестать дёргаться. Она говорила негромко; он слышал её сквозь ткань мешка и собственную ругань.

Зоя вызвала их через несколько минут.

— Правый бок сводит. После кормления. Движение держу, но она всё время убирает лопасть.

Тимофей открыл наружные показатели и сразу увидел разницу. Новая двойная волна шла спереди, как раньше. А справа, возле места касания обломка после выхода, ткань сокращалась коротко и резко. Каждое сокращение тянуло следующий слой. Здесь была боль или то, что они по привычке называли болью у существа без человеческого лица.

— Мы туда смотрели после касания?

— Камерой. Пробоины не было.

— Будем смотреть ближе.

На этот раз Филипп остался внутри. Тимофей вышел с Никоном. Техник молча подал ему страховку, проверил соединение и первым шагнул на ферму.

У правого края было темнее, чем спереди. Свет звезды падал сюда косо, оставляя широкие промежутки между человеческими фонарями. Внизу, за решёткой, лопасть медленно сгибалась и распрямлялась. Она казалась мягкой, но Тимофей знал, какой силой обладает каждый её край.

Повреждение нашлось в узкой борозде между двумя пластинами. Обломок не пробил покров, зато вдавил внутрь маленький защитный язычок. Тот касался чувствительной тка-

ни при каждом движении. Под ним скопилась густая тёмная жидкость.

Никон направил фонарь.

— Достану?

— Пока нет. Сначала снимем местный спазм.

Тимофей достал ампулу того самого препарата, на который они с Ладой смотрели час назад. Подержал её в руке чуть дольше, чем требовалось, и установил в местный ввод.

— Малый участок, — сказал он в общий канал. — Не в общий поток. Зоя, никаких поправок две минуты.

Никон закрепил инструмент. Филипп следил за распространением состава по датчикам. Здесь сеть поверхностных каналов была изучена хорошо; врач видел, где заканчивается обработанный участок, и мог перекрыть подачу прежде, чем средство уйдёт дальше.

Сокращение ослабло. Чёрная щель между пластинами раскрылась немного шире. Тимофей провёл мягким зондом по краю, Никон поднял вдавленный язычок и закрепил его снаружи.

Из борозды вышла ещё одна капля тёмной жидкости. В вакууме её поверхность сразу изменилась; Тимофей поймал каплю приёмным колпачком, не позволив ей уйти в чувствительную складку. Там, где ещё минуту назад ткань билась короткими судорогами, движение стало плавным.

— Отпускает, — сказала Зоя.

Тимофей не отвечал. Он следил за передней областью.

Двойная волна осталась. Белая сетка не исчезла.

Два разных процесса шли в одном организме, и только один нуждался в том лечении, которое у них было готово.

Никон убрал инструмент в держатель.

— Теперь можно спать?

— Ей — да.

— Я про себя спрашивал.

Тимофей посмотрел на него и впервые за утро рассмеялся без усилия.

* * *

Глеб Ракитин сам попросил разговора после обеда. Ульяна разрешила десять минут и предупредила, что разрешение относится к разговору, а не к допросу.

Капитан «Тавры» сидел в маленькой комнате возле медицинского отсека. На столе перед ним стояла чашка. Рядом лежал тот же обломок ручки. Он заметил взгляд Тимофея и убрал пластмасску в карман.

— Не знаю, зачем держу, — сказал он.

Тимофей сел напротив. Здесь был небольшой вес; ноги наконец-то можно было поставить под стол и забыть о них.

— Я посмотрел запись.

— И?

— Антон действовал разумно. По тому, что у него было. Ракитин сжал губы.

— Я не обвиняю Антона, — произнёс Ракитин. — Я спрашивал его, выдержит ли. Он сказал, что выдержит. Я бы тоже так сказал на его месте. Снимки были чистые.

— Вы помните, что произошло после выхода?

Капитан долго смотрел в чашку.

— Она свернулась ещё раз. Уже здесь. Мы вышли, лопасти пошли наружу, а потом передняя пара снова поднялась. Не до конца. Как будто хотела что-то скинуть с боков. Алёна сказала, что ушла передняя опора. Я подумал, датчик. На такие слова всегда сначала думаешь: датчик.

Тимофей молчал.

— Потом меня ударило. Я оказался у стены. Видел пол, хотя лежал на потолке. После этого Неля сказала, что надо закрывать переход. Я ещё хотел позвать Антона. Всё думал: если закрыть, он не пройдёт.

Ракитин провёл ладонью по лицу, осторожно обходя повязку на лбу.

— Вы видели отделение наружного слоя? — спросил Тимофей.

— Я видел, как мой дом улетает от своего корабля. Вам этого мало?

— Я пытаюсь понять, где началось.

— Оно началось раньше. Когда мы решили, что можно привинтить к ней всё, что захотим. Она же не подписывала договор.

Капитан усмехнулся, и от этой короткой усмешки Тимо-

фею стало неловко. Он приготовился услышать ненависть к животному, а услышал то, о чём сам думал ещё в челноке.

— Тридцать лет на дорогах, — сказал Ракитин. — Я до Земли ни разу не добрался. Всё было незачем. Здесь работа, люди, комнаты свои. Мы с женой даже окна переставили в каюте. Она сейчас на двенадцатой, у сестры. Я должен был забрать её после следующего оборота.

Он показал пальцем на стену, будто там оставалось то переставленное окно.

— Знаете, что я подумал, когда нас оторвало? Не про смерть. Что она будет сердиться из-за кухни. Скажет: опять ты разрешил что-то переделать без меня.

Тимофей не стал утешать его. Ракитин посмотрел на часы.

— Ульяна вас выгонит через минуту. Спросите, что ещё нужно.

— Вы видели, куда ушла «Тавра»?

Капитан повернул голову.

— Хотите вернуть?

— Хочу понять, что с ней.

— Для этого надо приблизиться.

— Да.

Ракитин встал. Сделал два шага к стене, взял со складной полки браслет и передал Тимофею. На нём была сохранена короткая запись с дальнего наружного датчика. В кадре тёмное тело уходило в сторону, медленно раскрывая лопасти. Вдоль спины тянулась светлая полоса. «Тавра» была жива.

Тимофей почувствовал облегчение и тут же постыдился его перед человеком, потерявшим дом.

Ракитин заметил.

— Я тоже обрадовался, — сказал он. — А потом разочлился, что обрадовался. Не тратьте время.

* * *

Лада выслушала предложение найти «Тавру», не перебивая. Тимофей показал направление, приблизительный ход, запись отделённого слоя. Если удастся подойти, можно будет увидеть, что находится под старым покровом. Это помогло бы понять, чего ждать от «Нарты».

— Сколько времени? — спросила капитан.

— Если она продолжает местный ход — полсутки. Если ушла переходом, не найдём.

— А потом?

— Осмотр с расстояния. Малая проба, если...

Лада подняла руку.

— У меня Данила, которому нужен хороший хирург. И ещё двое, которых Ульяна пока держит на обезболивании. Нам надо на шестой узел.

— Если с нашей произойдёт то же самое, мы до шестого не дойдём.

— Поэтому Никон готовит отделение жилых секций. Поэтому я согласилась потратить время на твою правую ло-

пасть. Но искать в пустоте другой корабль, который может уже уйти, я сейчас не буду.

Тимофей ощутил знакомое раздражение: важное было близко, почти в руках, а его опять отодвигали ради того, что можно сделать позже. Затем он представил Данилу на матрасе, с правой рукой под чужими полотенцами. Для него «позже» тоже означало потерю.

— Хорошо, — сказал он.

Лада посмотрела внимательнее, ожидая продолжения.

— Я согласен. Отправим поисковый маяк по её следу. Если увидит, запись останется для того, кто сюда придёт.

— Маяк можно.

Она повернулась к Зое. Кормчая вывела рассчитанную линию на шестой узел. Нужно направление лежало далеко от того, куда ушла «Тавра».

Люди умели готовить ходака к переходу: задавать положение тела, последовательность раскрытия чувствительных складок, момент последнего сигнала. Из множества возможных естественных выходов животное обычно выбирало тот, к которому его подводили. Это работало так долго, что слово «обычно» почти исчезло из капитанских разговоров.

Теперь оно вернулось.

Зоя дала слабый направляющий сигнал. «Нарта» развернулась к выбранной линии, удержала её и снова начала уходить в сторону.

Кормчая не стала поправлять второй раз. Посмотрела на

Ладу.

— Она хочет туда же.

На схеме расходились две тонкие черты. Одна вела к людям, которые могли помочь Даниле. Другая — вслед за живым кораблём с сорванной спиной.

Глава 6. Тёплая каюта

К вечеру на «Нарте» стало тесно не только в проходах. Разговоры тоже перестали помещаться там, где начинались. В столовой спорили о воде и заканчивали потерянным домом; возле умывальника спрашивали, когда будет шестой узел, и вдруг вспоминали человека, оставшегося ждать на другом конце пути.

Тимофей узнал, что у тихой женщины из соседней каюты через девять дней заканчивается срок временного ухода за отцом. Что двое пассажиров везут деталь для единственного рабочего подъёмника на своей станции. Что Нина Арефьева оставила соседке ключи от квартиры и теперь больше всего беспокоится о незакрытом балконе, хотя балкон находился внутри жилого купола и дождь туда никогда не попадал.

— Она же любит проветривать, — объясняла Нина. — Раскроет, уйдёт и забудет. А там у меня листья.

Семён пытался напомнить, что листья переживали и худшее. Нина ответила, что он-то дома не поливает.

Варя сидела на полу возле Ариновых футляров и делала перегородку для Нели. Марта дала ей два зажима, но предупредила, что ими нельзя крепить ткань к горячему светильнику. Девочка выбрала поручень и теперь очень гордилась тем, что у взрослого человека появилась собственная стена благодаря ей.

Неля лежала на боку, отвернувшись от зала. Из-под одеяла выглядывала одна босая ступня. Варя всё время поправляла нижний край ткани, чтобы ступню не было видно.

— Ей нужно поспать, — тихо сказала Арина.

— Я знаю. Поэтому и закрываю.

Тимофей остановился возле них. Хотел спросить, достаточно ли воздуха за перегородкой, но увидел широкий про свет сверху и промолчал. Марта уже подумала об этом.

Ровен позвал его в столовую. Лада собиралась поговорить с пассажирами. Не со всеми сразу: те, кто хотел услышать сам, пришли; остальные могли включить местный канал у себя. Капитан стояла возле раздаточной, а Родион демонстративно продолжал резать хлеб, словно она всего лишь задерживала очередь.

— Сейчас мы готовим возвращение к шестому узлу, — сказала Лада. — Поведение ходока изменилось. На привычные сигналы он отвечает, но не удерживает нужное направление. До следующей попытки мы проверим возможность отделить жилые секции. В случае необходимости они смогут жить самостоятельно.

— Сколько? — спросил мужчина у двери.

— При нынешнем числе людей — достаточно, чтобы дож даться помощи в обитаемой системе. Поэтому нам нужно сначала попасть в такую систему. Здесь я не стану отделять вас и уходить.

Мужчина нахмурился.

— Это не ответ на вопрос «сколько».

Лада кивнула.

— Основной запас рассчитан на двадцать четыре дня при умеренном расходе. Есть аварийный. Я не считаю его ещё одним обычным отпуском. Вода и воздух возвращаются в оборот, но еда, лекарства и исправность оборудования не бесконечны. Сегодня вечером вы получите понятную памятку, что меняется в быту.

Тимофей посмотрел на Марту. Та стояла у дальней стены и слушала, скрестив руки. Двадцать четыре дня были её расчётом, сделанным после приёма спасённых. Если кто-нибудь сейчас предложит пожертвовать душой ради дополнительного месяца, она, вероятно, укусит его.

— А если корабль нас не повезёт? — спросила Арина.

— Будем искать другой способ выйти к станции. Мы уже отправили сообщения на оставленные маяки и будем передавать всем, кого встретим.

— Вы сказали «вернуться», — заметила женщина с большим отцом. — Мы там ещё не были.

Лада на секунду замолчала.

— Да. Для вас это будет прибытие. Для нашего рейса — возвращение на линию. Срок я сейчас назвать не могу.

Никто не закричал. От этого было тяжелее. Люди смотрели на неё и молча сравнивали её неопределённость со своей, уже имеющей дату, адрес и чужое лицо.

Родион поставил на раздаточную тарелку с хлебом.

— Кто не ел, берите сейчас, — сказал он. — До неизвестного срока ужин ждать не будет.

Тимофей ожидал, что кто-нибудь рассердится на шутку. Но несколько человек подошли. Разговор распался на маленькие группы. Лада осталась у стены и отвечала каждому отдельно, не обещая больше, чем сказала всем.

* * *

Данила не спал. Он лежал в медицинском отсеке и учился открывать коробочку левой рукой. Коробочка выскальзывала. Парень сердился, поднимал её с одеяла и начинал снова.

— Помочь? — спросил Тимофей.

— Если бы я хотел, я бы нажал вызов.

— Понял.

Он сел у соседней койки. Двух других раненых Ульяна разместила в отдельных нишах; один спал, второй слушал что-то в наушнике и смотрел на стену. Здесь пахло чистой тканью и лекарствами.

Данила наконец открыл крышку. Внутри оказались маленькие металлические фигурки, закреплённые в мягких гнёздах. Он выбрал одну — кривоватую птицу — и поставил на столик.

— Это вы делаете?

— Делал. Из обрезков. Алёна ругалась, что я хороший металл перевозжу.

Он потянулся к следующей фигурке, но остановился. Тимофей смотрел на птицу. Одно крыло было чуть короче другого; из-за этого она казалась живой и недовольной.

— Почему «делал»?

Данила поднял глаза.

— Не начинайте. Ульяна уже сказала, что надо дожидаться хирурга. Я дождусь. Можно мне пока не изображать уверенность?

Тимофей опустил взгляд.

— Можно.

Некоторое время они молчали. Из-за перегородки донёсся тихий кашель. Данила закрыл коробочку, на этот раз с первой попытки.

— Она жива? — спросил он.

— «Тавра»?

Парень кивнул.

— На последней записи — да.

— Я на ней вырос. Не с рождения, с пяти лет. Мы сначала с отцом на грузовой жили, потом он устроился к Ракитину. Я маленький думал, что все дома так устроены. Снизу живое, сверху комнаты. Когда увидел Землю, долго не понимал, почему там ничего не надо крепить.

— Ты был на Земле?

— Один раз. В Мурманске. У тётки. Там лестницы дурацкие. И улица всё время дальше, чем кажется.

Тимофей улыбнулся. Он помнил собственное первое воз-

вращение после долгого рейса: как остановился посреди обычного тротуара, потому что люди шли со всех сторон и никто не пользовался поручнями.

— Я всё равно хочу ещё, — сказал Данила. — Только теперь, наверное, в больницу сначала.

— Сначала на шестой. Там есть нужное оборудование.

— Все говорят «на шестой», как будто он уже за дверью.

— Он далеко.

Парень посмотрел на него внимательнее.

— Спасибо, что не сказали «совсем скоро».

Когда Тимофей поднялся, Данила подвинул птицу к краю столика.

— Возьмите. Чтобы у вас хоть кто-то летал куда надо.

Тимофей взял фигурку и осторожно убрал в карман.

* * *

Его каюту отдали двум спасённым. Тимофей сам предложил это утром, а теперь обнаружил, что совершенно забыл решить, где будет спать.

В лечебном блоке осталась откидная полка, но Филипп уже занял её, свернувшись на боку с прижатой к груди курткой. Тимофей выключил верхний свет и вышел. В общем зале было слишком много дыхания, шороха и незнакомых ног. Он постоял у входа, посмотрел на свободное кресло рядом с Нелиной перегородкой и вдруг почувствовал, что не может

туда лечь. Не потому, что ему было неудобно; он просто не хотел ещё несколько часов быть видимым.

Марта встретила его у перехода.

— Ты почему всё ещё ходишь?

— Ищу, где перестать.

— У Лады есть диван.

— Лада знает, что ты им распоряжаешься?

— Лада сама сказала отправить тебя туда, когда начнёшь мешаться.

Тимофей посмотрел на неё.

— Так и сказала?

— Почти. В её варианте ты был более уважаемый.

Капитанская каюта находилась в жилой секции, но ближе к оси, поэтому вес здесь был меньше. Лада сидела за столом и читала сообщения. На диване лежали чистая простыня и подушка. Тимофей остановился в дверях.

— Марта распорядилась.

— Вижу. Закрой, пожалуйста. В коридоре спорят о полотенцах.

Он закрыл дверь. В каюте было тепло, почти жарко. На полке стояла чашка с отколотым краем; рядом — узкая деревянная коробка, потемневшая от прикосновений. Ничего специально капитанского, кроме второго экрана и закрытого шкафа связи.

— У тебя баня, — сказал Тимофей.

— У меня нормальная температура. Ты привык к своему

холодильнику.

— Там ткань хранится.

— Вот и не притворяйся тканью хотя бы ночью.

Она закончила строку, погасила экран и откинулась на спинку.

— Ты ответил сестре?

— Родион уже всем сообщил?

— Он беспокоится, что тебя не примут на Земле и придётся кормить дальше.

Тимофей сел на край дивана. Достал из кармана металлическую птицу, поставил на стол. Лада посмотрела на неровные крылья.

— Данила?

— Да.

Она осторожно повернула фигурку к свету.

— У него хороший глаз.

— Он сейчас не хочет слышать про будущее.

— Значит, не будем говорить про будущее.

Лада сняла браслет и положила в деревянную коробку. Тимофей заметил внутри ещё одну вещь — маленькую красную пуговицу.

— От формы? — спросил он.

— От пальто. Мать пришила запасную, когда я уезжала учиться. Потом пальто потерялось, а пуговица осталась. Я иногда думаю, что это единственная вещь, которую мне удалось сохранить по инструкции.

— Браслет тоже от неё?

— Нет. Купила сама. На день рождения, который все забыли.

— Я тоже?

— Тебя тогда ещё не было на «Нарте». Можешь не мучиться.

Он улыбнулся. Лада закрыла коробку.

— Ты правда собираешься надолго домой?

— Собирался на полгода.

— Почему в прошедшем времени?

Тимофей посмотрел на птицу. Она стояла криво, но не падала.

— Потому что уже придумываю, что нужно сделать после рейса. Отвезти пробы. Найти Еву. Проверить старые случаи. У меня каждый отпуск сначала состоит из дел, которые займут совсем немного времени.

— А потом кончается.

— Иногда даже не начинается.

Лада встала, налила воды в две чашки и поставила одну рядом с ним.

— Я однажды прожила на станции четыре месяца, — сказала она. — Сняла комнату с большим окном. Думала, буду смотреть на людей и отдыхать от расписания. Через неделю знала, в какое время сосед выносит мусор. Через две начала сердиться, когда он опаздывал.

Тимофей засмеялся.

— Вернулась в рейс?

— Нет. Переехала в другой дом. Там окно выходило на стену, и пришлось искать занятие.

— Нашла?

— Научилась плохо рисовать. Очень освобождает. Сразу видно, что никто не погибнет от твоей работы.

Она достала из нижнего ящика тонкую папку. На первом листе был нарисован стул. У стула имелись четыре ноги, но стоять он мог бы только в невесомости.

Тимофей взял лист обеими руками.

— Смелая конструкция.

— Я же предупредила.

Следующий рисунок изображал женщину у окна. Лица почти не было, зато плечи и положение головы получились так точно, что Тимофей перестал улыбаться. Женщина ждала, не глядя наружу.

— Это кто?

— Соседка. Пока не заметила, что я рисую. Потом начала позировать, и всё испортила.

Лада убрала папку, не дожидаясь похвалы. Тимофей вдруг понял, что впервые за много лет находится в её каюте без поломки, совещания или необходимости что-нибудь подписать. Он знал, как она отдаёт распоряжения во время потери связи. Не знал, что она хранит плохо нарисованный стул.

— Запиши Наде сейчас, — сказала Лада. — Я пойду к

Зое. Диван твой до утра. Только птицу не урони, Марта не любит металл в решётках.

Она вышла. Тимофей остался в тёплой тишине, держа чашку двумя ладонями.

* * *

Первые две записи он стёр. В одной слишком бодро рассказывал о музыке. В другой начал с задержки и услышал собственный служебный голос, которым обычно сообщал неприятные вещи владельцам кораблей.

На третьей просто сказал:

— Надь, привет. Я посмотрел вашу запись. Мама всё ещё ставит чайник так, что ручка смотрит к стене. Передай ей, я помню и без напоминаний.

Он подождал, хотя ответить было некому.

— У нас задержка. Пришлось принять людей с другого корабля. Сейчас все, кого нашли живыми, у нас; везём к врачам. Мой отпуск из-за этого, наверное, начнётся позже. Но я его не отменяю. Напиши, что у вас сломалось дома. Только не говори «ничего». Я всё равно узнаю по приезде.

Тимофей посмотрел на маленькую птицу у края стола.

— И пришли море. Не красивое. Обычное, возле дороги. Чтобы машины было слышно.

Он отправил запись в очередь Ильясу и больше не пересматривал.

Свет в каюте потускнел. На запястье пришло короткое сообщение от Лады: «Спи. До утра ничего не делаем». Тимофей лёг на диван, который оказался короче, чем выглядел. Пришлось согнуть ноги. Подушка пахла чистой тканью; за стеной кто-то прошёл и негромко засмеялся.

Он думал, что не уснёт, но следующее, что увидел, было утро.

Лада сидела за столом в той же куртке. Перед ней лежала старая схема возвратного устройства. Тимофей приподнялся на локте.

— Ты вообще спала?

— Четыре часа. Потом Зоя пришла.

— Что с «Нартой»?

— То же самое. Слабые сигналы принимает, направление теряет. Есть способ усилить ответ. Она пользовалась им на другом корабле.

Тимофей сел. На схеме был широкий контактный пояс, охватывающий переднюю часть тела. Такие устройства называли горнами, хотя в пустоту они не издавали ни звука. Они передавали колебания прямо в ткани ходока, вызывая сильный, давно изученный ответ.

— Где Зоя?

— Ждёт нас. Я хотела, чтобы ты сначала выспался.

Он посмотрел на часы, потом на свою птицу. Лада положила рядом с ней чистую рубашку из его отданной каюты.

Тимофей надел рубашку и пошёл за Ладой к кормчей.

Глава 7. Приказ домой

Ровен сдавал Зое ночную вахту. Увидев капитана и врача, он поднял с соседнего кресла ноги, потянулся и сказал, что за последние два часа «Нарта» была самым воспитанным существом на корабле. Потом добавил уже серьёзно:

— Пока её ни о чём не просишь.

Зоя открыла запись той «Нарты», которую они знали прежде. На ней ходок плавно менял положение передних лопастей вслед за сигнальными площадками. Каждый слабый толчок получал ответ, а цепочка ответов складывалась в нужное направление.

— С горном иначе, — сказала кормчая. — Он заставляет переднюю часть закрыться и уйти от раздражителя. Мы ставим раздражитель с нужной стороны. Потом, когда она удержала положение, возвращаемся на обычное ведение.

Тимофей знал устройство. Ему доводилось лечить следы после его применения, но работать с ним самому не приходилось.

— Ты когда использовала?

— На «Лексе». Три года назад. У неё отказала боковая складка возле дробильного пояса. Нас разворачивало к камням. Слабый сигнал терялся, а этот прошёл.

— Что было потом?

— Вышли. Две недели стояли на лечении. Врач ругался.

Я тоже ругалась. Все были живы.

Она показала не красивую схему, а старую наружную запись. По боку «Лексы» тянулись широкие тусклые полосы. Человеческие модули стояли ровно, и возле одного крошечного шлюза двигались два человека в скафандрах.

— У «Нарты» пояс есть, — сказала Лада. — Старая комплектация. Часть контактов не использовалась с последнего большого ремонта. Никон проверяет.

Тимофей посмотрел на живые показатели. Белая сетка росла медленно, но за ночь стала заметна на второй передней опоре. Он ещё не знал, ослабляет ли она крепление или просто появляется рядом. Ему хотелось получить хотя бы сутки чистого наблюдения. За сутки тело могло показать больше, чем за все их торопливые пробы.

За те же сутки Данилина рука могла потерять то, что хирург ещё сумел бы сохранить.

— Я хочу смотреть каждый контакт отдельно, — сказал он. — И сначала один короткий ответ, пока мы не готовимся складываться.

Лада кивнула.

— Что заставит тебя остановить?

Он назвал несколько признаков, которые можно было увидеть вовремя: уход жидкости под опорой, длительное сдавление новой ткани, смещение старой пластины. Не отсутствие знакомого ритма само по себе — ритм уже однажды пропал и вернулся.

Зоя записала его условия рядом со своими. Потом повернула экран к капитану.

— Если начали уход и надо остановить, говорим одно слово. Не объясняем сначала.

— «Стоп», — сказала Лада. — Скажет любой из вас — останавливаем. Потом спорим.

Тимофей кивнул. На этот раз ему было важно услышать, что его сомнение не придётся превращать в убедительную речь прежде, чем оно получит силу.

* * *

Пока готовили наружную работу, Ильяс запустил поисковый маяк по сохранённой линии «Тавры». Маленький аппарат ушёл от фермы, раскрыл обзорные плечи и начал долгий разгон. Если живой корабль ещё оставался в системе, маяк мог найти его след. Тимофей посмотрел, как гаснет ближняя отметка, и вернулся к своим людям.

Блоки питания пояса достали из тёмного корпуса под передней фермой. Его основные части давно стояли на своих местах; нужно было восстановить соединения и заменить три поверхностных контакта. Никон выслал маленькие рабочие аппараты на нижнюю сторону тела, а сам вышел к верхним узлам с Мартой.

Она оставила в жилой секции Олега, выдав ему список проверок человеческого воздуха. Олег прочитал список,

указал на один пункт и возмутился:

— Я знаю, где у нас запасные фильтры.

— Прекрасно. Тогда найдёшь быстрее, — ответила Марта и закрыла шлюз.

Тимофей смотрел на их работу через наружную камеру. Маленькие фигурки людей двигались над живой поверхностью. Под ними начиналась складка, в которой мог бы исчезнуть весь общий зал вместе с креслами, ложками и Арининными чашами.

За годы он перестал чувствовать размер «Нарты». Знал длину, площадь, массу, расход питательной смеси; всё это было привычной величиной в привычной работе. Теперь чужая оторванная кожа вернула ему меру. Они жили на существе, которое при достаточном изменении формы могло даже не заметить, что человеческие комнаты больше к нему не прикреплены.

Никон вынул старый контакт. Под ним покров был темнее и толще, чем по краям. Техник повернул деталь к камере.

— Здесь чисто.

— Не ставь новый на то же пятно, — сказал Тимофей. — Сдвинь к свободному краю.

— Тогда провод короткий.

— Есть удлинение?

Никон посмотрел на Марту. Она открыла боковой карман сумки и подняла небольшой свёрток.

— Я всё ещё умею читать ваш список, — сказала она.

Работа заняла почти весь день. Дважды один из нижних аппаратов терял сцепление; его приходилось возвращать по страховочному тросу и менять положение. Зоя держала «Нарту» в местном дрейфе, не заставляя поворачиваться. Иногда сине-зелёный свет проходил по внутренней стороне лопасти и освещал нижние камеры так ярко, что они убавляли чувствительность.

Филипп принёс Тимофею еду в закрытой коробке. Врач съел половину, не отрываясь от показателей. Помощник молча забрал экран из-под его ладони и передвинул на другую сторону стола.

— Что?

— Родион сказал дожидаться, пока вы закончите.

Тимофей хотел возразить, но во рту у него был кусок хлеба. Филипп воспользовался этим преимуществом и сел рядом.

Они поели, наблюдая за наружной работой на большом экране. Марта, закончив свой участок, попыталась снять с перчатки липкий кусок защитной прокладки. Он переходил с пальца на палец. Никон протянул ей пустой чехол, и она наконец затолкала прокладку внутрь. Оба выглядели маленькими, раздражёнными и очень человеческими.

— Мы ведь всё равно её заставляем, — сказал Филипп.

Тимофей проглотил хлеб.

— Да.

— А если она знает, куда ей надо?

— Тогда ей не повезло с нами.

Помощник опустил глаза.

Тимофей пожалел о резкости.

— Ты можешь быть против, — сказал он. — И всё равно помогать сделать это без лишнего вреда. Одно другому не мешает.

Филипп снова посмотрел на экран.

— Я не умею быть против того, что нужно.

— Я тоже не очень.

* * *

К первому испытанию все наружные рабочие вернулись. Никон подтвердил по именам Марту и себя, затем убрал аппараты с нижней стороны. Инна держала челнок готовым, но не выходила из гнезда. Жилые секции проверили на самостоятельное питание. Пассажиры ещё могли ходить; перехода пока не было в расписании ближайших минут.

Зоя попросила тишины.

Слабый предварительный сигнал прошёл незаметно для людей. На схеме засветился один участок пояса. Передняя лопасть подалась внутрь, остановилась и вернулась.

— Есть местный ответ, — сказал Тимофей. — Под опорой без сдвига.

Кормчая подождала. Затем включила короткую последовательность на двух соседних контактах.

Тимофей почувствовал дрожь в столе.

Свет внутри складки вспыхнул и оборвался. Передняя часть тела резко повернулась; ферма удержала модули, но в дальнем коридоре что-то стукнуло. На экране Марты появилась пометка — она сразу сняла её и сообщила, что сдвинулся пустой контейнер, крепление цело.

«Нарта» легла на выбранную линию.

Тимофей смотрел под опору. Белая сетка сжалась, затем медленно расправилась. Старая пластина не пошла за лопастью. Вторая волна исчезла, но привычный обмен продолжался.

— Удерживает, — сказала Зоя.

Она выключила пояс. «Нарта» оставалась в новом положении ещё почти минуту. Потом начала возвращаться.

Лада посмотрела на врача.

— Хватит для начала перехода?

— Если дальнейший ответ будет таким же.

— Этого мы не знаем.

— Не знаем.

Зоя вывела время подготовки. В ту короткую минуту, которую дал сильный сигнал, можно было успеть начать складывание. После этого обычные сигнальные площадки уже не удерживали выход; дальнейшую работу делало само животное.

Тимофей спросил, что станет с «Нартой», если повторить раздражение во время складывания.

— Я этого не делала, — ответила Зоя. — И не буду предлагать как проверенный способ.

Они посидели молча. На экране движение медленно вернулось к прежней линии, уходящей вслед за «Таврой».

Лада вызвала Ульяну. Та сообщила состояние раненых, не пытаясь решить за капитана. Даниле требовалась помощь, которую здесь могли только откладывать. Ещё сутки ожидания не были нейтральным выбором.

— Готовим переход, — сказала Лада. — Один заход. Если не удержит, прекращаем. Горн внутри складывания не повторяем.

* * *

За час до попытки капитан прошла по обеим жилым секциям. Сказала, что они будут использовать более сильное управление, предупредила о возможном движении и попросила пристегнуть даже те мелочи, которые обычно оставляли на столах.

Ракитин поднялся ей навстречу. Они поговорили у двери общего зала. Тимофей, проверявший с Ульяной носилки, слышал только конец.

— ...я бы тоже повёл, — сказал капитан «Тавры».

Лада посмотрела на него.

— Знаю.

Это не прозвучало утешением. Ракитин кивнул и вернул-

ся на своё место.

Неля закрепила чужие пакеты под креслами. Варя хотела помочь, но Арина посадила её рядом с собой. На этот раз девочка не спорила. Семён Арефьев попросил жену перестать проверять его ремни; потом сам поднял обе руки, чтобы она всё-таки закончила.

Тимофей вернулся в лечебный блок. Перед уходом заглянул в капитанскую каюту за птицей Данилы. Убрал её в мягкий карман сумки, которую закрепит у своего кресла. Лада заметила это по служебной камере и ничего не сказала.

На большом экране показалась передняя часть «Нарты». Тёмная кожа, широкие складки, белые человеческие конструкции. Ни один из привычных признаков не объяснял, почему они стоят здесь, в чужой системе, и собираются напугать собственный корабль ради дороги домой.

Зоя начала обычную подготовку. Лопасты поднялись по очереди. «Нарта» ещё могла остановиться, раскрыться, уйти от выбранной линии. Тимофей держал руку возле общего отключения пояса.

— Готова, — сказала кормчая.

Лада проверила подтверждения и разрешила.

Горн прошёл по живому телу.

На этот раз дрожь дошла до зубов. Не звук, а глубокое движение металла, которое человеческое ухо пыталось превратить в гул. Тимофей увидел, как передняя складка сжалась; следом за ней пошла соседняя, а белая сетка под опо-

рой вытянулась в тонкие параллельные полосы.

Направление сошлось с расчётным.

— Держит, — сказала Зоя.

По наружной камере пролетела тёмная чешуйка. Потом ещё одна. Тимофей открыл ближний вид. От старой пластины у контакта отслаивался край, однако опорная подушка оставалась на цельном участке. Он видел расстояние между трещиной и её основанием.

— Пояс выключить, — сказал он.

Зоя выключила. «Нарта» ещё удерживала линию. Передние лопасти сходились, закрывая свет. Тимофей отсчитывал не секунды, а расстояние до трещины. Край остановился. Сетка под ним продолжала двигаться.

— Складывание, — произнесла Зоя.

Звёзды исчезли.

Тимофей убрал руку от отключения. Она оказалась мокрой. Он вытер ладонь о штанину, посмотрел на Филиппа. Тот сидел совершенно неподвижно, только губы двигались без звука.

— Что считаешь?

— Ничего. Хотел сказать, что пошло.

— Пошло.

На этот раз привычные колебания обмена не пропадали. «Нарта» работала тяжело и узнаваемо. Температура передней ткани росла, затем выравнивалась; свет в складках приходил короткими вспышками. Тимофей был бы рад этому

ещё двое суток назад. Сейчас он не мог решить, что именно означает возвращение к привычному.

Переход кончился раньше, чем первый.

В окне возникла жёлтая звезда. Потом — тонкая дуга отражателей, на мгновение скрытая ещё не раскрывшейся лопастью.

Зоя выдохнула. Ильяс подтвердил маяки шестого узла. В служебном канале кто-то тихо выругался от облегчения.

Лада не сразу включила пассажирскую связь. Сначала дождалась проверки положения, затем сказала:

— Мы у шестого узла. Приём подтверждается. Оставайтесь в креслах ещё несколько минут, потом можно будет встать.

Из общего зала пришёл шум. Люди не слушали последние слова; они смеялись, говорили одновременно, кто-то хлопал, кто-то спрашивал, правда ли это. Тимофей слышал голос Нины Арефьевой, которая требовала от мужа не вставать, раз капитан ещё не разрешила.

Он тоже улыбнулся.

Затем на ближнем экране открылась обработанная область. У контакта горна тянулось серое пятно. Ткань под ним не отвечала. Размер был невелик по сравнению с телом «Нарты» и слишком велик по сравнению с человеком.

Филипп посмотрел на него.

— Будем лечить?

— Будем, — сказал Тимофей. — Сначала убедимся, что

не растёт.

Из станции пришёл первый живой голос. Диспетчер просил передать число раненых и спрашивал, может ли их человек принять медицинскую бригаду раньше общей стыковки.

Тимофей открыл местный лечебный контур и слушал, как Ульяна отвечает. Данила теперь мог попасть к хирургу. «Нарта» довезла его. Теперь у врача снова был пациент, которому он знал, как помочь.

Глава 8. Посадочная стрела

К утру четвёртых суток «Нарта» подошла к станции. Шестой узел выглядел так, будто его забыли закончить.

От главного обода расходились длинные причальные стрелы. На одних горели ровные ряды огней, на других оставались только редкие сигнальные точки. Между ними висели строительные блоки, связанные тросами в неторопливые гроздья. Тимофей видел эту станцию много раз, но прежде недостроенные места скрывались за кораблями.

Сейчас кораблей было мало.

Два крупных ходака стояли на питании возле дальней фермы. Ещё один лежал боком под ремонтными полотнищами; наружу выходили лишь края лопастей. У ближнего причала двигались обычные человеческие буксиры, маленькие, деловитые, слишком похожие на насекомых возле спящего зверя.

Первый медицинский челнок подошёл ещё до общей стыковки. Ульяна передала Данилу хирургической бригаде, рассказала всё нужное и не ушла, пока врач со станции не повторил основные сведения своими словами. Парень лежал с закрытыми глазами. Когда переноску провели мимо Тимофея, он вдруг открыл их.

— Птицу не потеряли?

— Нет.

— Она иногда разваливается. Крыло плохо держится.

— Починю.

Данила попытался усмехнуться.

— Лучше подождите меня.

Его увезли вместе с двумя другими ранеными. Ульяна осталась возле закрытого шлюза, держась за поручень. Тимофей хотел спросить, будет ли всё хорошо, но она повернулась раньше.

— Теперь у них больше возможностей, — сказала она. — Дальше посмотрим.

На этом разговор закончился. Ей тоже нужно было время, в котором от неё ничего не требовали.

«Нарту» приняли на отдельную стрелу у края узла. Зоя подвела человеческую ферму к стыковочному направляющему, затем дала живому телу расслабиться. Питательные рукава станции потянулись к знакомым точкам на его боку. Они не держали массу корабля, только подавали смесь; жёсткое соединение приняли металлические части человеческого дома.

Тимофей не стал уходить сразу. Следил, как «Нарта» принимает корм после лечения. Серое пятно у контакта перестало увеличиваться. Здоровый край отвечал; повреждённой ткани предстояло отойти. Филипп аккуратно снимал границу, чтобы следующая вахта сравнивала одно и то же место.

— Позови меня, если передняя сетка пойдёт под самую подушку, — сказал Тимофей.

— Уже настроил.

— И поешь.

Филипп поднял глаза.

— Вы сейчас очень похожи на Родиона.

— Это естественный конец любой медицинской карьеры.

Он оставил помощника со станционным техником, которого прислали к питанию, и отправился к выходу.

* * *

На стрелу первыми сошли шестеро, купившие билет только до этого узла. Они благодарили Ладу, спрашивали, куда отправлять найденные в каютах вещи, и старались не смотреть на спасённых, которым тоже предстояло выйти, но без обычного конца поездки.

Потом пошли люди «Тавры». Для них станция открыла временные комнаты в старом учебном секторе. Ракитин стоял рядом с Нелей и сверял имена. После больницы и этих комнат все двадцать четыре человека наконец находились в месте, которому не требовался живой корабль под полом.

Неля обняла Марту. Долго, неловко, с пакетами между ними. Потом отступила и сказала, что принесёт обратно одеяла.

— Принесёшь, — ответила Марта. — Когда перестанешь на них спать.

— Я не люблю оставлять чужое.

— Тогда считай, что я дала надолго.

Неля кивнула. Варя подбежала проститься, попросила показать варежку и очень серьёзно сказала, что её можно вернуть через потерянные вещи на двенадцатом. Неля обещала попробовать.

Лада отдельно встретила сотрудников, которые забирали погибших. Антона Шерстова и Алёну Вишневскую передали в закрытых переносках, с записями и найденными личными вещами. Тимофей пошёл рядом до следующего шлюза. Там пришлось остановиться: дальше начиналась служебная часть станции.

Он оставил для семьи Антона короткое сообщение. Сказал, что видел его перед рейсом, что тот работал внимательно и что они вынесли обоих.

Когда вернулся, Ракитин всё ещё стоял на стреле.

— Забрали? — спросил он.

Тимофей кивнул.

— Спасибо.

Капитан «Тавры» посмотрел вдоль металлического перехода. За прозрачной частью стены виднелась «Нарта». Её передняя лопасть слегка шевельнулась, и по тёмной поверхности прошёл свет.

— Я думал, не смогу больше на это смотреть, — сказал он.

— А сейчас?

— Сейчас не могу перестать.

Он ушёл вслед за Нелей, не оборачиваясь.

На «Нарте» осталось девяносто два человека: двенадцать членов экипажа и восемьдесят пассажиров, которым требовалась дорога дальше. В общем зале снова появились пустые кресла. Они выглядели не свободными, а брошенными.

* * *

Тимофей отправился в станционную лабораторию с двумя пробами и записью горна. Он хотел заказать исследования, которые на корабле пришлось бы делать слишком медленно, и узнать, какой почтой можно передать материалы Еве Корбут.

Дежурная выслушала фамилию и указала на дверь за своей спиной.

— Сама ей отдайте. Только сперва постучите. Она сегодня бросается бумагой.

Тимофей посмотрел на дверь.

— Ева здесь?

— Третью неделю. Была здесь, когда я пришла. Будет здесь, когда я уйду. По-моему, она теперь часть оборудования.

Он постучал. Изнутри сказали войти, и сразу же:

— Если опять без исходной записи, закройте снаружи.

Ева сидела на полу среди раскрытых коробок. На ней были широкие серые брюки и рубашка с закатанными рукавами; один рукав держался, другой всё время сползал. В руках

она держала длинный лист, который никак не удавалось развернуть до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.